

Оксана Цыганкова

Дельфинья
тропа

18+

Оксана Цыганкова
Дельфинья тропа

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Цыганкова О.

Дельфинья тропа / О. Цыганкова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-11839-3

Так и не поняв, почему Роман решил разорвать отношения, Настя в шоке покупает билет на первый же самолет и улетает куда глаза глядят, в один день круто изменив всю свою жизнь, попадая в удивительный мир - Дельфинарий-мюзик-холл. Сначала ее захватывают водоворот событий, дельфины и новая яркая жизнь. Но вскоре ей приходится задуматься. Счастливый ли это случай? Что выбрать - вернуться в спокойную жизнь или попробовать начать с нуля? Уют с состоявшимся мужчиной или невероятные отношения, где каждый день как на вулкане? Дизайн обложки: Яна Лушникова, azimutprint, ООО НПЦ НТ "Азимут".

ISBN 978-5-532-11839-3

© Цыганкова О., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Все это началось, когда Ромка объявил мне, что мы расстаемся. Конечно, это было прогнозируемо. Наш вялотекущий роман когда-нибудь должен был закончиться. За три года можно было по пальцам посчитать, сколько раз мы встречались. Страсти то вспыхивали, то исчезали, ну, Шекспир это все еще в своем лохматом веке описал. Но Ромка объявил мне это в Питере, где мы планировали вместе встретить Новый год. Сел в самолет и улетел. Что-то ему там привиделось, какие-то знаки. Сказывалось влияние свежепрочитанного Паоло Коэльо.

А я стояла в аэропорту, куда примчалась разобраться, что же произошло, и не понимала, что делать дальше. Наверное, это была бы обычная размолвка, если бы меня вдруг не осенило купить первый попавшийся билет на ближайший рейс. Шенген у меня был, вопрос получения визы не стоял, и я купила билет в Испанию. Почему именно в Испанию? Вылет был через час. Я еще успевала на регистрацию. В состоянии аффекта я купила билет в бизнес-класс. Я не думала о деньгах. Я вообще не думала. Думать было больно. Я перешагнула таможенный контроль и выбросила симку. Вот так без вещей, без связи я пошла в свою новую жизнь через бизнес-класс.

В бизнес-классе нас было всего двое. Второй была молодая женщина моего возраста. Конечно, места наши были в разных концах салона, и я поняла, что мне предстоит одинокая дорога. Но я ошиблась. Женщина подняла на меня глаза и сказала: «Я Моника», почти без акцента. «Присаживайтесь ко мне».

Как она угадала, что мне сейчас невыносимо одиночество? Мне потом еще не раз приходилось удивляться ее интуиции, но тогда это было неожиданно вовремя.

Моника была невысокая, стройная, очень хорошо сложенная испанка. Хотя черты лица были намного мягче, нос не такой выраженный и глаза светлее, чем я себе испанок представляла. Ее улыбка была настолько притягивающей, что уже через пару секунд невозможно было от нее оторваться. Но какое-то странное ощущение у меня возникало. Улыбка это была не то, чтобы неестественной, но возникала уж как-то отдельно от глаз. Глаза явно запаздывали. Я поняла, что за этим чудовищным обаянием точно есть какая-то история. Скорее всего, очень непростая.

Так мы и познакомились. Моника была замужем за русским бизнесменом, тем самым, который вырос сначала из спортсменов в братву, а потом уже и в бизнес. Как уж он ее завоевывал и почему умная, образованная, утонченная европейка вдруг обратила внимание на слишком уж простого парня, для меня было загадкой. Но когда он уговаривал ее выйти замуж, он спросил, что ей подарить. Она попросила дельфина. Ей было интересно, как он выкрутится из этой ситуации, потому что он был из разряда «Пацан сказал – пацан сделал». И он сделал. Он подарил ей дельфинарий. Вот тут Моника сломалась. Это был очень хитрый шаг. С одной стороны, вряд ли кто-то другой совершил бы для нее такой поступок. Это ее купило. Другую сторону она не учла. Этот подарок накрепко ее привязывал к будущему мужу. При ее любви к животным бросить мужа она бы уже не смогла. Это был очень хитрый бизнес-расчет со стороны Валеры. Не зря он продержался столько кризисов и ни разу не разорился. У него была гениальная чуйка на правильные бизнес-решения. Моника была одним из таких решений. Она стала заложницей собственной шутки. Валера получил все. Дельфинарий не был его основным бизнесом, это был так называемый шаг престижа. Через дельфинарий он заводил нужные ему знакомства, его имя было на слуху не только в городе, но и в соседних областях. Он выглядел таким сподвижником, великим русским меценатом, делающим не менее великое дело. Чтобы репутация была покруче, Валера не стал открывать дельфинарий на каком-нибудь морском курорте, где этим никого не удивишь. Он открыл его практически в захолустье между двумя крымскими городами.

В эту идею никто не верил. Но Валера все рассчитал правильно. Моника была не просто яркой женщиной, с которой не стыдно показаться в свете. Да что там не стыдно. В нее

влюблялись с первого взгляда не только мужчины. Она была потрясающе красива. Она могла за минуту познакомиться с кем угодно и расположить его к себе. Ей почти никто не мог отказать. Но она еще была невероятно талантлива и потрясающе работоспособной. Моника быстро вычислила, что работать нужно на проезжающих по трассе, так как трафик здесь огромный, и заключила договоры с турагенствами во всех крымских курортных зонах. И она придумала уникальное направление – Дельфи-мюзик-холл. Аналогов не было не только в России. Аналогов не было в мире.

Открытие Дельфи-Холла держалось в страшной тайне, пока шла подготовка. Полгода Моника провела в испанском дельфинарии, работая простым демонстратором и подсматривая все секреты профессии, еще полгода она ездила по дельфинариям России под видом зрителя и высматривала себе тренера, который будет тренировать группу. Благодаря своей потрясающей харизме она легко знакомилась с различными специалистами. Всем льстило внимание иностранки, с ней легко делились секретами, потому что никому просто в голову не приходило, зачем ей в действительности это надо. Она обменивалась телефонами, перезванивалась с тренерами и вычисляла тех, кто ей нужен.

Все это время Дельфи-Холл работал в режиме лайт. Все проезжающие мимо машины и туристические автобусы делали остановку, ходили на экскурсию, смотрели тренировки, знакомились с дельфинами, обеспечивая пусть небольшой, но ежедневный оборот. Кругами расходилась слава об открывшемся дельфинарии с уникальной атмосферой.

Через два года после подарка и свадьбы они выстрелили балетом на воде «Белоснежка и семь гномов». Гномами были морские котики, Белоснежкой, понятно, Моника, дельфины были стихиями – слава покатила волнами. Валера заработал первую прибыль, имя и вход в театральный мир.

Балет отгремел два года и все от него устали. Уровень зверюшек сильно подрос, трюки стали сложнее, актерам надоело каждый день делать одно и то же, музыка стала раздражать. В новостях Дельфи-Холл больше не показывали. Назрело время перемен.

С этими мыслями Моника летела на родину. Она показывала мне фотографии балета, и на одной из них Моника держалась за плавники кита белухи. Кит смотрел на нее совершенно влюбленно. Меня осенило сразу. Красавица и чудовище. Мюзикл. В двух словах я описала свою идею Монике, и она загорелась. Так я попала к Монике в дом. Моника жила в Калелье. Наскоро перекусив в доме ее родителей, мы взяли записи и рванули на море. Моника с ее рассказом и обсуждение нового мюзикла захватили меня настолько, что про свой роман с Романом я и думать забыла.

Мы придумывали, глядя на море, пили вино и опять придумывали. Потом Моника попросила меня напеть, как я слышу, и я спела несколько строчек. Это все окончательно решило. Это потом я узнала, что Моника задумала сделать шоу, в котором певцы должны одновременно выполнять трюки с дельфинами. Это было проблемой. Профессиональные певцы голоса берегут и в воду за здорово живешь не прыгают. Моника слушала, как я пою, и принимала решение. Я ей понравилась. Так я и попала в этот удивительный мир.

Я попала в дельфинарий впервые. До этого я часто видела дельфинов в открытом море и очень их любила. Не раз дельфины плыли перед нашим корабликом, выделывая завораживающие сальто. Их черные бока переливались на солнце так, что все пассажиры перебежали на ту сторону, где резвились дельфины, и кораблик кренился на эту сторону. Эти минуты казались самыми счастливыми, я забывала обо всем. Я зачаровано стояла у бортика, наблюдая за этими совершенными существами. У меня не возникало ни малейшего желания смотреть на них в неволе. Поэтому в дельфинарий я входила с опаской. Мне было страшно, что очарование Моникой пройдет у меня, как только я увижу этих прекрасных животных (язык не поворачивается называть их так) в маленьком бассейне или столкнусь с жестокостью по отношению к

ним. Кстати, животными дельфинов никто и не называл. Так же, как и китов, и морских котиков, и сивучей, и всех обитателей этой семьи. Их называли или артистами, или питомцами.

Размах был поистине королевский. Валера денег не пожалел. Бассейн был огромный и глубокий, наблюдать можно было даже за подводным плаванием питомцев. Вольеры были огромные. Бассейн для сивучей мог бы поконкурировать с некоторыми элитными клубами. Питомцев было так много, что не каждый муниципальный зоопарк имел такое поголовье. Могло показаться, что площадь дельфинария сопоставима с площадью всего городка. Как только ты перешагивал порог дельфинария, понимал, что попадаешь в другое государство. Холл дельфинария был оформлен в виде морского дна. В середине холла стоял муляж затонувшего корабля, под потолком висела акула, из челюсти которой торчала половина рыбьего хвоста, по стенам из водорослей выглядывали цветные рыбки. На территории было три кафе. Одно из них располагалось над бассейном, можно было сверху наблюдать за питомцами, другое вплотную подходило ко дну бассейна, и можно было наблюдать подводное плавание дельфинов. Даже без представления можно было потерять счет времени, если оказался в зоне бассейна. Но оказаться в зоне бассейна мог далеко не каждый. Бассейн был воистину элитным подразделением. Доступ туда имели уборщицы, тренеры, служба безопасности и еще несколько человек. Я попала в число счастливиц.

Первые дни я проводила в созерцании. Я приходила утром, садилась в зрительном зале и смотрела, как дельфины спят, плавают, играют. Моника все понимала. Это было похоже на то, когда жители бывшего СССР покупали первые стиральные машины-автоматы. Сейчас в это трудно поверить, но тогда купив машинку первые пять шесть стирок вся семья садилась и смотрела, как крутится барабан. Впервые попадая в дельфинарий с черного хода, каждый сотрудник садился и не отрываясь смотрел на дельфинов. Пока не пройдет первая эйфория, человек был абсолютно недееспособен. Уровень любви к дельфинам у всех разный, поэтому процесс созерцания мог занять от нескольких часов до нескольких дней. Малыши и взрослые подплывали, стрекотали, знакомились с очередным выпавшим из жизни человеком, потом уплывали заниматься своими обычными дельфиньими делами, а человек все сидел и сидел. Моника была терпелива.

Дня через три я очнулась, вспомнила, что меня сюда зачем-то взяли, и пошла к Монике. Моника улыбнулась мне одной из своих фирменных улыбок.

– Ну что, теперь можем продолжать? – спросила она. Я молча кивнула.

– Ну, пойдем знакомиться с остальными.

– Моника, я так кинулась за тобой, как в омут. Старалась не думать о своем. А кем я все-таки буду?

– Ну, во-первых, сценаристом. Мы уже половину написали, тут твоя львиная доля. Хотя мы это обсуждали.

– Так мы закончим через неделю, а ты говоришь, что я тебе нужна надолго.

– Я не знала, согласишься ты ли нет, поэтому хотела, чтобы ты сначала осмотрелась. Тебе понравилось?

Я закивала как китайский болванчик.

– Ты хочешь остаться?

– Конечно! Ты могла бы и не спрашивать.

– Тогда слушай. Я хочу, чтобы в новом мюзикле пели и танцевали те же артисты, которые показывают трюки. Допустим, с танцами мы уже проэкспериментировали. У нас все получилось. Но с пением все намного сложнее. Технику нельзя мочить, во время проката нельзя гарантировать, что ты не упадешь в воду. Простывать нельзя. Я долго на тебя смотрела. Поешь и плаваешь ты неплохо, координация у тебя хорошая. Хочешь выступать в мюзикле?

Сердце упало куда-то в желудок. Какая девочка не мечтала в детстве быть актрисой? Какая девушка не захочет покататься на дельфине? Но чтобы вот так, мне, не актрисе, не

певице, не тренеру предложили запросто выступить? Я была не готова. Я не могла ни отказать, ни согласиться. Моника, конечно, все сразу поняла.

– Ты сможешь. У тебя минимум полгода, чтобы научиться. Я буду сама тебя учить. Так что пойдем знакомиться. Но есть одно правило. Каждый сотрудник бассейна всегда начинает с чернорабочего. Сначала ты будешь резать рыбу. Это закон. Здесь мы исключений не делаем.

– Почему? Нет, я конечно, согласна на любые условия, – руки сжала в кулаки и про себя кричала ДА! ДА! ДА! – Но мне интересно...

– Потому что мы не наказываем питомцев. Не кричим на них. Не бьем. Они – члены семьи. Даже больше. Они – кормильцы семьи. Но они проверяют характер каждого. Как лошади. Могут стукнуть, могут сбросить. Могут просто игнорировать. Поэтому я должна понимать, кого я выпускаю к нашим кормильцам. Выдержка нужна как у разведчика. А нарезка рыбы работа монотонная, противная, вонючая и неудобная. Там сразу характер видно. Выдерживает только тот, кто действительно хочет работать с дельфинами. Кто готов со многим справляться ради этой работы. Так что решай.

– Да что тут решать? Я все решила еще в Испании. Я готова была ехать за тобой куда угодно и делать что угодно. Ты умеешь зажечь.

– Вот и договорились. Завтра выходишь на кормокухню. Аня, познакомься, это Настя. Она завтра выходит на кормокухню. Возьми над ней шефство. Она будет до трех. Настя, в три встречаемся в кафе работать над сценарием.

Аня, шустрая девочка лет семнадцати с коротким русым хвостиком, задорно кивнула головой и побежала дальше. В бассейне вообще медленно не ходили. Следующим утром я встала на два часа раньше и пошла на пробежку. Я бегала долго и с упоением, проплыла полкилометра. Я буквально неслась в свою новую жизнь. Впервые за долгое время я чувствовала себя дома, в семье, на своем месте. Мне предстояло целыми днями стоять в холодном помещении, резать холодную рыбу, обмораживать руки и вдыхать рыбный запах... Я была счастлива.

После пробежки есть не хотелось. Радостно напевая арию мачехи, я варила себе кофе. Ромкин образ стал таким тусклым, что я не могла вспомнить его лицо. Вместо этого я представляла себе темноволосого синеглазого красавца, этакого Алена Делона, который придет в дельфинарий на шоу, увидит меня, прекрасную, на дельфине и влюбится в меня с первого взгляда. Тот факт, что Красавицей будет Моника, и по логике все красавцы должны влюбиться именно в нее, мной игнорировался. Мачеха ведь тоже была красоткой. А порочная красота, как известно, весьма привлекательна.

В таких вот радужных образах я и пришла на кормокухню. Порочная красота одела на себя провонявший рыбой фартук, взяла в руки нож и стала знакомиться с коллективом. Народ здесь был самый разный – разный возраст, разные амбиции. Были две пожилые женщины, которые пришли сюда именно резать рыбу, ребята от пятнадцати до тридцати – те, кто уже работал с дельфинами, те, кто только пытался прорваться в святая святых, школьники, подрабатывающие на каникулах и мечтающие по окончании школы прийти сюда уже полноценными работниками. Всех объединяла любовь к дельфинам и неизменная улыбочка. Это правда, любая тяжелая работа становилась легче, если рядом были эти божественные существа. Они как будто снимали любое напряжение, сглаживали любой конфликт. Я думаю, если бы переговорную комнату сделали в бассейне, все переговоры были бы мирными и спокойными. Невозможно рядом с дельфинами повышать голос.

Мои размышления прервала Аня. Коротко представив меня ребятам, Аня стала объяснять мне правила приема рыбы. Оказалось, что рыба должна быть свежая, обязательно непотрошенная, ни одной царапинки на пузе. Если вдруг одна рыба в поддоне была испорчена, возвращали весь поддон. Здоровьем кормильцев никто не рисковал, на пище для них не экономил. Аня показывала мне, какую рыбку какими кусками резать и объясняла, для чего какой кусок.

Оказалось, что это целая наука резать рыбу для питомцев. Процедура подготовки животных к шоу здесь не называлась дрессировкой. Дельфинов тренировали.

Когда дельфин попадал в бассейн, первое время он отказывался есть. К сожалению, это факт, дельфины в дельфинарии попадают зачастую в результате браконьерского отлова. Конечно, в рыбацкие сети редко попадают здоровые дельфины. Это или детки, или старички или заболевшие особи. Чем младше дельфин, тем больше шансов, что он станет настоящим артистом, он быстрее адаптируется к новым условиям. Больных дельфинов лечат как детей. Даже на работу врачом в бассейн искали педиатров, а не ветеринаров. Тех дельфинов, которые начинали есть быстро, переводили в тренировочный бассейн, каждому дельфину назначали своего куратора, и начиналась работа. Куратор следил за своим питомцем, смотрел, какие природные игры любит его подопечный и начинал подкармливать его за повторение нужных элементов.

Оставшихся дельфинов наблюдали ветеринары и старший тренер. Моника лично отсматривала каждого зверика и определяла, кто будет работать на шоу, а кто останется работать на услугах. Точно также Моника наблюдала за ребятами и определяла, кто будет работать на шоу, кто в отделении релакса, кто на продаже услуг. Всю кадровую работу, независимо от того, люди это или животные, Моника курировала сама.

Все это Аня рассказывала мне, лихо орудуя ножом. Мне кажется, за свои 33 года я не испытывала такого комплекса неполноценности ни на одной из работ. Мне всегда и все давалось легко. В школе я училась не учась, память позволяла. Поступила я легко и точно также не училась все пять лет. Все пять лет я ездила с университетской командой КВН по гастролям, сессии сдавала автоматом, диплом написала за два месяца. На работу вышла сразу, несколько лет преподавала в ВУЗе и параллельно работала в социологической компании. Уже через месяц подработки меня сделали супервайзером, и я поскакала по карьерной лестнице со страшной скоростью.

И сейчас, глядя как Аня режет уже восьмую рыбу, а я дорезаю вторую, я чувствовала себя, мягко говоря, некомфортно. Я не умела быть последней. Аня перехватила мой взгляд. Улыбнулась. «Наработаешь... Это быстро».

К трем часам пропахшая рыбой, замерзшая, уставшая, я перешла в подводное кафе. Моника уже заказала обед.

– Мне кажется, я твой вкус еще с Испании выучила. Доверяешь?

– Моника, я тебе судьбу свою доверила, а ты меня про обед спрашиваешь!

Мы посмеялись.

– Я тебя сейчас кое с кем познакомлю.

К столу подходили двое.

– Это комментатор и старший тренер. Хорошие ребята. Ребят, это Настя. Я вам рассказывала.

– Настюша, с боевым тебя. По запаху чую, что оно сегодня было, – сказал Виктор, старший тренер. Комментатор молчал и присматривался. Мне казалось, что комментатор должен быть таким рубахой парнем, как все театралы, но этот даже как-то насутился.

– Не обращай внимания, Настя, – сказал Виктор, – просто первый сценарий Данила писал, а в этот раз ты его без хлеба оставила. Он бы и рад тебя покритиковать, но сам видит, что не за что. Идея прекрасная. Теперь он переживает, что Королева от него избавится за ненужностью.

– Данила, не переживай, – начала было Моника, но тут Данила не выдержал.

– У меня голова болит. Так что поменьше острите. Когда вы ржете, у меня в мозгах отдает. Настя, я завтра в себя приду и тоже тебе поулыбаюсь. Молодец. С таким талантом на кормокухне тебе рыбы аплодировать начнут, хоть и дохлые, если ты будешь им сценарий зачитывать.

Я выдохнула. Честно говоря, разговоры о профессиональной ревности меня напрягли. Я это уже проходила.

Ребята мне понравились. Они были как двое из ларца одинаковы с лица. Одинакового роста, одинаковой комплекции, плечистые, статные, высокие. Один блондин, другой брюнет и фамилии были Белый и Чернов. И оба чем-то похожи на Брэда Питта. Если у вас развито воображение, и вы можете представить Брэда Питта брюнетом, можете себе представить картинку. Я, например, любовалась. Данила Белый сидел молча, иногда морщился от головной боли. Витька Чернов острил не останавливаясь. Как потом сказала Моника, у них один тонус на двоих. Если одному не хватает, значит, другого прет. Они познакомились еще в институте, хоть и учились на разных факультетах. Притянулись по фамильному признаку. Картинка их знакомства передавалась как легенда. Они шли по коридору института и увидели друг друга. Увидели свое сходство и застыли. Витька очнулся первым, назвал свое имя и фамилию и протянул руку. Данила сполз по стенке и начал ржать. Витька уже почти обиделся, но Данила, давясь от хохота, протянул студенческий. Витька посмотрел и тоже сел на пол. С тех пор они стали не разлей вода. В дельфинарий Данила попал первым и сразу понял, что Витьке здесь самое место. Данила начинал со звукооператора, пока владелец дельфинария не узнал про его театральное студенчество. И Данила стал аниматором. Владелец посмотрел на него пару месяцев и перевел в комментаторы. Витька же сразу пришел в бассейн. Витька был в институтской команде каратистов, координация и реакция у него были сумасшедшие, поэтому трюкам он обучился быстро. Дельфины его характер чувствовали, особо не вредничали. Со своей яркой внешностью он быстро стал звездой. Через семь лет он стал старшим тренером. Моника так их обоих и сманила. Нет, они не повелись на неземную красоту и невероятную сексуальность Моника. Конфликт с руководством зрел давно и находился в двух минутах от взрыва. Ребята даже подумывали о смене деятельности, вот тут-то Моника их и нашла. Рассказала об идее Дельфи-Холла. Данила зацепился первый. Он сразу увидел новые для себя возможности. И Витьку взял на себя. Руководство отпустило их легко. Во-первых, сезон уже прошел, а во-вторых, неформальное лидерство Питов уже порядком поднадоело. Революций никто не хотел.

Так они вошли в ближний круг Моника. Валера не ревновал. У Валеры, как и у всей братвы, был звериный нюх на опасность, и в этой парочке он опасность не учуял. Они часто задерживались ночами, когда репетировали, но это были деловые отношения. Просто они понимали друг друга практически без слов. Были на одной волне. И сейчас мы все думали об одном – я на этой же волне или нет. Мне на эту волну очень хотелось. Меня трехсторонне сканировали. В каком-то смысле это были смотрины. Первый этап я прошла.

Через две недели ножом я орудовала как шеф-повар, шутила часто, что без работы не останусь. Однажды Витька пришел на кормокухню и поманил меня за собой.

– Сейчас будет сюрприз. Закрой глаза и дай мне руку. А еще дай слово, что подсматривать не будешь.

Я покивала, закрыла глаза и дала руку. Мы куда-то шли, Витька обозначал мне ступеньки, пороги. Потом открыл какую-то дверь и сказал: «Открывай глаза». Я оказалась в раздевалке. Моника с Витькой решили, что мой испытательный срок на кормокухне закончился. И начался новый этап – тренировки с дельфинами. Сейчас мне предстояло поплавать с дельфинами. И снова сердце упало в желудок. Плавать с дельфинами! Я, конечно, знала, что рано или поздно это произойдет, но Моника все придумала так, чтобы эмоции меня захлестнули. Она в эти две недели не предлагала мне даже погладить никого из звериков специально, чтобы вот это детское удивление захватило меня целиком. А я сама не просила. Я видела, как Моника одолевают этими просьбами, и мне не хотелось доставлять ей хлопот.

Это была девочка. Дельфин – девочка. Знакомство с дельфином – это целая отработанная процедура, никто не плюхается к ним с разбегу, все происходило как в жизни. Сначала конфетно-букетный период, ты знакомишься, гладишь, в моем случае, целуешь эту милую мор-

дочку, кормишь рыбкой, чешешь и даже легонечко царапаешь ногтями, оказывается, им это приятно. И первое потрясение ты испытываешь, когда впервые трогаешь дельфина. Что говорить, мы все как-то путаем их с рыбой и ожидаем на ощупь что-то тислявое и холодное. Я думаю, что была готова почувствовать чешую. Когда я дотронулась до Асты, я ощутила ее упругую кожу. Что-то сродни резиновому мячику, но еще более упругое и при этом нежное. Аста стрекотала и смотрела улыбаясь. Да, можно сто раз говорить себе, что это просто строение головы, но я смотрела на Асту и была уверена, что она улыбается именно мне. Потом я вошла в воду и плавала рядом, а потом уже мне разрешили покататься, мягко держась за плавник. Но самое удивительное для меня было то, что дельфина можно носить на руках!!! Аста была общительная и любознательная дельфин подросток, задорная, игручая, но, когда я взяла ее на руки, она словно растеклась по ним и застрекотала. В этот миг я испытала настоящее блаженство. Вот тогда я, возможно, впервые поняла, что значит, получаешь намного больше, чем отдаешь. Когда я носила Асту на руках по бассейну, я почувствовала все ранее не пережитые эмоции- и мать, счастливую в своем материнстве, и женщину, окруженную любовью и столько всего еще. Аста растекалась по моим рукам, глаз ее совсем поплыл. Мы взаимно кайфовали. Я даже не подозревала, что это еще не все. Основное началось через полчаса после того, как я вышла из воды. Вдруг какие-то волны стали накрывать меня от ног до самой макушки, и я стала ощущать чувство невесомости и какого-то неведомого мне раньше покоя. Я стала улыбаться как неменяемая и ничего не могла с этим поделать – радость лезла из меня. Мозг отключился. Анализировать буду потом, когда отпустит, сейчас буду просто наслаждаться.

Ребята мне не мешали. Никто не лез с любопытным – ну что? Ну как? Все понимали, что слова здесь излишние и состояние нужно просто прожить. Я медленно и с удовольствием его проживала. До конца дня волны блаженства периодически накрывали меня. Я-то пускалась в пляс вокруг стула, то пела, то смеялась. Мне не хотелось ругаться даже если повод для этого находился вполне достойный. Хотелось делиться добром и светом. Я была влюблена в свою Асту, во всех дельфинов мира, да что там, во все человечество. Вечером я вернулась в кафе и смотрела на то, как Аста дурачится со своими сородичами. Да, я научилась ее отличать ото всех остальных.

Со временем я начала различать их не только внешне. Я начала понимать, что у каждого дельфина, как и у людей, свой характер, свои привычки, свои любимые игры и нелюбимые занятия. Как они выделяют тренера от всех остальных работников бассейна, каждый своего. И отношения с тренерами у всех тоже были разные.

Аста была веселушка, трещала без умолку, со своим тренером Юлей она дружила. Они были как подружки-одноклассницы, тренировки и выступления для них были игрой. Витькин Гектор был хулиган. Витьку признавал безусловно, хотя позволял себе над ним подшучивать, остальным же мог вредничать. Белуха Кристо, любимчик и главный партнер Моники, просто был влюблен в нее. На тренировках от них было невозможно оторвать взгляд, романтика так и витала в бассейне. Я бы сказала, что на выступлениях Моника и Кристо свои отношения не афишировали. Но на тренировках!!!! Иногда я даже думала, куда Валера смотрит....

Но Валера как обычно смотрел в будущее и видел перспективы. В человеческие свойства дельфинов он не верил. Only business.

Остальные члены нашего дельфинолского семейства в шоу не участвовали, они плавали с проходящими к нам людьми. Это и было их работой. До сих пор мне непонятно, как люди могут бояться дельфинов. Столько раз я потом наблюдала, как они с опаской входят в воду, протягивают и отдергивают руку...для меня это стало мерилom открытости человека миру и новому. По отношениям человека с дельфинами вообще можно было многое диагностировать. Но все эти открытия были еще впереди. Через пару дней меня повели знакомиться и с этими ребятами. Сейчас было межсезонье, дельфины были недоглаженными и очень хотели общаться. Я зашла на помост и пара дельфинов тут же выскочила ко мне, подставляя животы

и хвосты. Пока я чесала их, еще трое плавали у помоста, высовывая головы, стрекоча и напрашиваясь на контакт. Когда я пыталась их почесать, с помоста прыгали самые бойкие, отгоняя от бортика остальных. Через пять минут я была промокшая до последней нитки. Дельфины, что побольше гоняли меня своим телом по помосту, маленькие выпрыгивали из воды рядом. Это было какое-то фееричное фигурное катание с дельфинами по помосту. Часа полтора я развлекалась таким образом. Меня можно было смело крутить в центрифуге. Если бы я даже свалилась в бассейн, я не была бы мокрее. Я была абсолютно счастлива. Хотя и немножко побита – в борьбе за мое внимание, малыши дельфины пихали меня и носами, и хвостами и пару раз я просто не успела увернуться.

С этого момента я все свободное время торчала в бассейне, наблюдала за ребятами и писала сценарий. Как только я замечала какую-то их новую игру, привычки, особенности, сразу находилась очередная идея. В любой момент я могла дурачиться с дельфинами в условном бассейне.

Еще она актриса – белуха Мира, тоже Юлькина воспитанница, была своенравна, как капризная женщина. Характер она показывала сразу. Во время купания с ней могла легонько, но ощутимо прихватить за икру, как только оденешь новое платье, сразу обрызгает, во время шоу так и норовит сбросить, да так, поближе к бортику. Когда я наблюдала за этими ее проявлениями характера, сразу стало ясно, что это и будет мой партнер по мюзиклу. Злая мачеха – своенравная Мира. И теперь мне нужно было как-то подружиться. Я столько раз наблюдала, как Мира сбрасывает ребят, что характером помягче, что все исподтишка, и невозможно просчитать, что именно она придумает. Я пыталась понять, как взаимодействовать. Было ясно, что от первого нашего контакта будет зависеть все. Я много слышала историй о злопамятности касаток, и о душевности белух, но по характеру Мира была явная касатка. Ничего не приходило в голову – повышенных тонов они не различают, дельфинов в дельфихолле никогда не наказывали, а на еду Мира не велась. Истинная леди. И тут вдруг меня осенило – они же люди!!! Другие, не похожие на нас, но люди!!! Они понимают нас без слов, просчитывают нас в секунды, любят или презирают, у них наши эмоции!!! И если Мира – истинная леди, то я должна быть ее круга. Гордо задранный нос, чувство собственного достоинства – играй Королеву. Тем более, что в мюзикле мне придется играть именно это. И тут вдруг весь мюзикл лег на ладошку. Виктор – Король, Я – Мачеха, Моника – ну тут все сразу понятно, а Кристо – заколдованный Принц. Я буду превращаться в Миру, чтобы обмануть Красавицу, а Кристо в конце шоу превратится в Принца. Роль его невелика, сыграет кто-нибудь из младшего тренерского состава.

Витьке с Моникой нужно придумать трюки, нам с Данилой – дописать песни, Даниле разобраться, как обезопасить аппаратуру, но начинать уже можно.

И начались мои тренировки...

Два месяца мы тренировались только в бассейне. Но в апреле море чуть потеплело. В шесть утра я выходила на пробежку, а через час Витька приходил на море «ставить мне стиль». Плавать я умела, но меня учили двигаться в воде красиво. Я не сразу поняла, зачем это нужно, но оказалось, что во время шоу бывают чрезвычайные ситуации и тут важно не только быстро добраться до точки, но и максимально красиво, чтобы никто не догадался, что это незапланировано. Там же мы тренировали прыжки в воду из разных положений, потому что с дельфинов иногда падают. Иногда даже с травмами. Поэтому умение мягко падать в воду это фактически профпригодность. И час упражнения на баланс. Потом занятия с хореографом и к полудню тренировки в бассейне с Мирой. Мира по утрам обычно бывала не в духе, поэтому общение наше начиналось с «приветственного покусывания». Когда я первый раз спустилась к ней в воду, это было еще и проверкой. Обычно человек, не ожидавший такого подвоха пугался, вздрагивал, а довольная Мира начинала нарезать круги по бассейну.

Но я шла подготовленная. Когда Мира подкралась ко мне сзади под водой, я резко развернулась и поднырнула к ней лицом. Мира была заинтригована и на всякий случай отплыла подальше. Потом еще раз приблизилась, а я снова под нее поднырнула. Мира приняла игру. Так соревновательность стала основой нашей дружбы. Мира постоянно устраивала мне проверки. А я ее немножечко задирала. Чтобы Мира признала меня как можно скорее, с первого дня тренировок кормили ее только мы с Юлей. Так день за днем мы и привыкали друг к другу. Через два месяца мы приступили к сложным трюкам. Мы отработывали прыжки, прокаты на одной ноге и прокаты на носу, но пока даже не пробовали петь. Во всем этом была еще одна загвоздка. С принцем оказалось все не так просто. Сначала нам казалось, ну что там, пара прокатов, заключительный дуэт, проблем не будет. Все партии за Кристо петь будет Данила из операторской, а смену тембра легко обыграть сменой тела – пока Принц в теле Кристо, у него brutальный бас, а когда в теле человека тут уж как повезет. Но оказалось, что ребята вообще не поют, никто. Но и это было не главным. Оказалось, что вот эти последние несколько номеров самые знаковые и принц должен выглядеть. Из ребят-демонстраторов никто не тянул... Чего-то не хватало. В конце концов остановились на Сашке, младшем тренере – долговязом парне с демоническим лицом. Он был совершенно негибким, но Моника сглаживала эту угловатость. На его фоне она выглядела Дюймовочкой. И все-таки мы все понимали, что это не то. Не искрило. Когда Моника отыгрывала свою партию с Кристо мы переставали дышать. Это было прекрасно, эта любовь окутывала каждого, кто находился в любой точке бассейна. Любовь витала в воздухе. Когда Кристо менялся с Сашкой это был просто цирк. Стало понятно, что принц – фигура ключевая. И если мы его не найдем, мы просто смажем финал.

Мы тренировались как сумасшедшие, но чем лучше шло у нас шоу, тем очевиднее становилось, что таким финалом мы убиваем все.

Я помню, похожее чувство у меня было, когда я посмотрела Нотр-дам. Так уж вышло, что впервые я увидела мюзикл именно в том оригинальном формате – Брюно Пельтье в роли Гренгуара, Жюли Зенатт – Флер-де-Лис, Гару – Квазимодо... и было видно, что актеры не играют, они живут этим шоу. Каждая улыбка, каждое движение единственно возможное, каждая интонация именно та. Потом я решила сходить на мюзикл вживую и искала, где есть постановка. Я прослушала любимые арии в другом исполнении и поняла, что не пойду. Неживые лица, невыразительные голоса. Нет, это великолепные актеры, но они не создавали этот мюзикл, они его дублировали. А тот первый звездный состав этим жил. Они любили мюзикл, любили друг друга, это было их детище. Это было ошутимо даже через экран ноутбука.

Вот так и Сашка выбивался из нашей тусовки. Он отлично выполнял трюки, он здорово ладил с дельфинами, но наш мюзикл не был смыслом его жизни. И тут появился Сережа.

Решение всегда приходит не оттуда, откуда его ждут, и мы сначала даже не поняли, что это и есть наше решение. Слишком уж смешным поначалу он нам показался. В то время, когда мы отчаянно бились над финалом, он работал на кормокухне, проходил испытательный срок. Мы его даже не замечали, увлеченные работой, ведь кормокухня – это как поезд – вошли, ушли, не прошли испытательный срок... Я впервые обратила на него внимание, когда думая, что их никто не видит, ребята дурачились в бассейне и скинули в воду Аню. Я в это время сидела в кафе с журналистами и рассказывала им про работу над мюзиклом. Мы посмеялись, а наутро я подошла к Сереже и сказала:

– В следующий раз, когда вы решите кого-то искупать, посмотрите сначала, нет ли клиентов в кафе.

Он вскинул на меня глаза... у него оказались удивительно синие глаза с огромными черными ресницами... посмотрел внимательно. Я видела, как у него в мозгу быстро проходят какие-то сложные мыслительные процессы. Конечно, он мог бы меня и послать. С точки зрения субординации я не должна была делать никаких замечаний. Но он улыбнулся и весело сказал:

– Понял.

Это было такое несоответствие моего представления об этих ребятах и реальности, что я стала обращать внимание на Сережу. Он был удивительно легким во всех смыслах. Худенький, почти хрупкий, жилистый. Легко воспринимал любое замечание, легко знакомился с людьми, легко учился новому. Легко относился к неприятностям. Он проторчал на кормокухне дольше остальных, про него попросту забыли в этой подготовочной суете, а он нисколько не расстроился, весело резал рыбу, как и я каждую свободную минуту проводил в бассейне, наблюдая за дельфинами, когда там никого не было. И вот что странно. Дельфины его узнавали. Наши ребятки вообще хорошо запоминали людей, но всегда было легко понять, кто чей тренер. К своим тренерам у них было отношение особое. Когда тренер заходил в бассейн, его питомец сразу несся к нему, стрекотал, бил хвостом и плавал за ним по своему бассейну. К чужим они не особо подплывали. Но с Сережей они общались. Даже Мира не пыталась его обрызгать.

Когда про него, наконец-то, вспомнили и стали обучать трюкам и тренерским фишечкам, у него стало все быстро получаться. То, что я училась делать месяцами, он стал делать через две недели. Его сразу ввели в основной состав старого шоу. И тут опять вмешался его величество случай. Сашка поругался с Моникой. Она заметила, как он грубо обошелся с дельфином и с истинно испанским темпераментом сделала замечание. Флегматичный Сашка с непонятно откуда взявшимся испанским темпераментом ответил. Моника приняла решение мгновенно. Роль принца освободилась даже для тренировок. И я предложила попробовать Сережу. Сначала меня никто не поддержал. Слишком недавно он попал в дельфихолл, еще не прошел испытательный срок, был какой-то нефактурный. Мальчишеское лицо, никакого величия, и на нашем фоне он был все-таки ребенок. Нам всем было за тридцать, а ему чуть больше двадцати. И эти по-детски трогательные глаза. Я подозреваю, что Моника просто боялась выглядеть старовато на его фоне. Но через пару дней Данила сказал:

– Я наблюдал за ним. Знаете, в нем что-то есть. У него какое-то особое чувство достоинства. И очень много романтики. Я его Принцем вижу. Мы хотели, чтобы был такой величественный типаж, а будет трогательный, чистый. Мне кажется, это даже круче. Давайте попробуем.

– Я тоже наблюдал, – сказал Витька. – он толковый. И с дельфинам ладит. Я его учил делать прокаты на Мире. Она его не сбросила. Парень с характером. И со стержнем. Берем.

Так Сережа попал в новое шоу. Как всегда легко. Жизнь его любила. С этого момента его карьера понеслась с бешеной скоростью. Иерархия в бассейне была жесткой. Старшей была Моника. Когда она заходила в тренерскую, все вытягивались по струнке и делали это абсолютно неосознанно. Потом Витька, это был свой парень. Потом было еще два тренера и остальные ребята – демонстраторы. Задача ребят демонстраторов была выступать на шоу, работать на услугах. Сами животных они не тренировали, иногда ассистировали тренерам. Конечно, все мечтали попасть на тренерскую должность, но шансов практически не было. Пока не уволили Сашку. И теперь всех демонстраторов волновал вопрос – кого переведут на должность тренера. Но уже через пару недель после того, как Серега стал репетировать в шоу, вопросов ни у кого не осталось. Он был не просто толковый. Он был талантливый. Похоже, он родился для того, чтобы работать с дельфинами. Они тянулись к нему также, как и люди. Они не устраивали ему проверок. Они приняли его за своего. Уже через месяц тренировок в бассейне он был на голову выше ребят, которые работали годами. И он не делал ничего специально, он просто был увлечен этим миром. Демонстраторы даже не пытались интриговать, обижаться или отстаивать свои права – Серегу все любили и реально понимали, что он достоин. Вот так всего через три месяца он взлетел практически на небеса.

Конечно, в тусовку небожителей его не приняли. Мы так и остались вчетвером. Но к Сереже стали приглядываться и прислушиваться. У него был интересный взгляд и ценные идеи. Он с радостью и легкостью перехватывал любую инициативу и выполнял любую просьбу. Когда мы объясняли ему идею шоу и его роль, он очень внимательно слушал и вникал. Не

задал ни одного вопроса, видно было только, как работает его мозг. Кивнул и ушел в бассейн заниматься любимым делом – наблюдать за дельфинами. О чем он там с ними разговаривал? Мы наблюдали за ним сверху из кафе. Через два часа мы собрались на репетицию и стали отрабатывать финальный танец Принца и Красавицы. Моника и Сережа ушли переодеваться в гидрокостюмы, а мы с Витькой и Данилой расселись на лавочках бассейна. Ребята вернулись, мы включили музыку, Моника с Сережей стали делать прокаты на дельфинах, а мы втроем остолбенели. Вот эта искра, которая всегда летела, когда Моника репетировала с Кристо, сейчас просто била током. Как Сережа считал это все с Кристо? Реально складывалось ощущение, что это один и тот же человек, просто в разных образах. Это было стопроцентное попадание. Сережа даже внешне изменился. Плечи расправились, взгляд перестал быть ребяческим, голова гордо вскинулась.

У меня текли слезы. Это было потрясающе. Невозможно было оторвать глаз даже без костюмов и антуража. Моника с Сережей ушли переодеваться, а мы так и сидели молча. Когда они вернулись, никакой искры уже не бегало, сказка закончилась. От Сережи опять исходило уважение и внимание, он ловил каждое слово и записывал на подкорочку. Сократить дистанцию не пытался. На следующий день мы приступили к полноценным репетициям. После той первой репетиции стали уже говорить о сроках. Решили отыграть премьеру в новый год. За время, которое я уже провела в дельфихолле, сценарий был написан, трюки отработаны, петь еще не начинали и декорации не продумывали. Начинать рекламную кампанию, мы были еще не готовы. Но время неслось так быстро, новый год не за горами, и важно было сработать на все сто. Поэтому стали ускоряться.

Сначала пели без микрофонов. Падали и пели, пели и падали. Хохотали до упаду. Потом надевали дешевые наушники, чтобы привыкнуть. Наушники стали расходным материалом. Потом начали репетировать с музыкантами. В любой момент мог возникнуть форсмажор и музыканты должны были вытянуть все. Потому музыкантов искали джазовых, чтобы могли импровизировать. Данила пел партии Кристо, Сережа в пении не участвовал. Его партию еще не репетировали. Все как-то более менее укладывалось. Наконец, стали обсуждать, что же делать с партией Принца. Вариант, что Данила споет из звукооператорской отмели сразу. Идея была именно в том, что все артисты споют живую, а если во время партии Сережа упадет в воду, Данила просто не успеет остановиться и сразу будет понятно, что поет не артист. Сережу даже не пробовали, он слегка гнусавил, потому ясно было, что не прокатит. Другими словами, тупик. Как всегда, решение было на поверхности. Как-то раз Витька пошел в бассейн и вернулся, захлебываясь от удивления. Он вошел так, что Сережа его не заметил. Сначала Витька не понял, что происходит. Сережа лежал на краешке помоста, к нему подплыл Кристо и покрывал, поэтому Витя сразу и не расслышал. Сережа пел свою партию, Кристо рядом «пел» тоже. Почему мы даже не попытались попробовать Сережу, объяснить было невозможно. Ведь все знают, что даже заикание во время пения проходит. Голос у Сережи был. Не то, чтобы голос был прекрасный, не оперный, не классический, он просто был такой, как надо. Как и все в Сереже было не выдающимся, не бросающимся в глаза, а просто таким, как надо. Именно в этом и было что-то нереальное. Это перестало быть похожим на правду. Он ничего не выпячивал, не пытался понравиться, был даже как-то ненужно скромным в некоторых вещах. Но все, что было важно и нужно, делал легко, с первого раза и самым лучшим способом.

С этого момента его ввели в команду. Мы просто поняли, что если он не будет знать всей информации, мы опять можем терять много времени впустую. И сразу все поперло. Сережа предложил работать не в микрофонах, а петь и делать трюки в определенном месте бассейна, а сверху спустить очень мощные микрофоны. Это было более дорогое решение, но, если посчитать, сколько мы уже убили дешевых микрофонов и перевести на стоимость того оборудования, с которым мы планировали выступать, решение себя оправдывало. И это же решало проблему, как продолжить, если ты с микрофоном валишься в воду. Не нужно было переплывать

за новым. Для Сережи перекроили сценарий и написали дуэты с мачехой в начале шоу, придумали сцену заколдовывания. Разумеется, за Кристо теперь пел тоже он.

Я потом долго думала над секретом его удачливости. Он никуда не пытался рваться, он ни с кем не конкурировал, он ничего не добивался. Он просто делал то, что любил и во что верил. Не думал о деньгах, о карьере, о росте, не волновался о том, что о нем подумают. Он вкладывался в то, что делал, не считая, что он получит взамен. До прихода к нам он никогда не работал в дельфинарии, жил в небольшом городке далеко от моря, но один раз увидев дельфинов еще в школе, влюбился в них, забредил идеей работать рядом с ними. Узнавал про разные научные экспедиции, но школьника брать никуда не хотели, да и наука как-то сдала свои позиции. Он ловил любую информацию, впитывал, как губка. Закончил школу, отслужил в армии, поступил в ветеринарный техникум, но долго не проучился, понял, что это не то, чем он хочет заниматься, а про дельфинов там не рассказывали. Ушел работать. Поскольку человеком он был легким, то и работу нашел легко. Попал на стройку, многое научился делать руками. Работал с удовольствием, ему все было интересно. Потом эти умения ему часто пригодились, любовь мастерить и знание как это делать во многих ситуациях делали его просто незаменимым. Поэтому деньги у него были, без работы он не сидел. Поехал на море и увидел, что дельфинарий ищет сотрудников. Почитал про разные дельфинарии, наш ему понравился больше всех, готов был на любую работу. Отправил резюме, его пригласили. Он как-то одним днем уволился, приехал и попал на кормокухню резать рыбу. Дальше все уже известно.

Месяц за месяцем мы репетировали как сумасшедшие, декорации были установлены, оборудование тоже. Зверики сначала побастовали, но потихоньку стали привыкать. Больше всех вредничала, конечно, Мира. Два дня она совсем не выходила на тренировки, потом стала позволять себе порепетировать пару номеров и только через пару недель вошла в полноценный режим. Все эти пару недель я наблюдала за тем, как работает Сережа. Как-то пришлось признаться себе, что нравится он мне не только как талантливый парень. Нравится. Тем более, что еще в тех старых мечтах, когда я только начала репетировать, я себе похожего героя и придумывала. Стройный, темноволосый, синеглазый... Только я его представляла себе постарше лет так на двадцать. Именно потому я очень спокойно относилась к этому своему открытию. Разница почти в двенадцать лет позволяла мне не питать никаких иллюзий. Но отношения у нас с Сережей стали очень теплые. Мы много разговаривали, часто вместе сидели в бассейне, наблюдая за своими любимцами, смеялись на то, как я буду его заколдовывать. Часто гуляли по берегу моря. Оказалось, мы любили одни и те же вещи, книги, фильмы. Это было так странно, учитывая, что мы были из разных поколений.

Незадолго до премьеры у Сережи случился роман. Не то, чтобы я совсем не ревновала, но поняла, что прогулкам нашим пришел конец. Расстроилась, конечно, но я сразу понимала, что это рано или поздно произойдет. Он еще долго продержался.

За месяц мы все репетировать бросили. Трюки отрабатывали, каждый свой, но музыку уже не гоняли, чтобы не перегореть. Даже общаться все стали реже. А психовать чаще. Моника сказала:

- Ты здесь уже почти год. Домой не хочешь?
- Нет, у меня там никого не осталось.
- А куда-нибудь хочешь?
- Да. К тебе домой. В наши скалы. Но это, наверно, нереально?
- Ты знаешь, я тоже хочу. Рванем на недельку?
- С удовольствием.

И Моника объявила всеобщую демобилизацию на неделю. Велела всем куда-то съездить, поменять угол зрения. Желательно в разные стороны, чтобы соскучиться.

Разные стороны сложились таким образом – Белый с Черновым махнули в Карелию на рыбалку. Сережа со своей девушкой к нему домой, он очень скучал по сестре и племяннику.

А его отец заманивал его копченой рыбой. Мы с Моникой в Калелью лежать на скалах и есть каракатицу и сибаса. Даже разъехавшись, мы не сговариваясь стали делать одно и тоже – есть рыбу. С кем поведешься, то потом и ешь, я так думаю. Мы водились с дельфинами.

Неделя пронеслась мгновенно. Мы с Моникой условились о работе не разговаривать. Ходили на концерты, Моника отвела меня на мастер-класс фламенко, и всю неделю мы ходили танцевать. Валера ей ни разу не позвонил. Он созывал значимых людей на премьеру, не мог не воспользоваться событием. Кому-то отправляли приглашения, кому-то он звонил сам. Бомонд обещал быть. И политики, и чиновники, и иностранные партнеры... Упасть в грязь лицом было нельзя. Маркетологи уже вовсю запустили вирус, пара сюжетов вышла в новостях. Интригу запускали всеми возможными способами. Валера чуял прибыль, средств не жалел. Сам ходил сияющий, важный.

Встретились через неделю, обменялись новостями. Белый с Черновым привезли соленую рыбку, Сережа копченую. Устроили пир. Договорились о генеральном прогоне. Прогон прошел без эксцессов. Моника распорядилась всем спать и отдыхать. Без загулов.

И вот настал день премьеры. Мы волновались, зверики тоже. Все утро мы сидели в бассейне вместе. О предстоящем не говорили, вообще не говорили. Сидели, завернувшись в пледы, мерзли. Зверики плавали кругами, ловили наше состояние. Мира была на удивление мила. Если честно, это меня напрягло. Когда Мира вредничала утром, день проходил более или менее. А сейчас она, похоже, готовила премьерный сюрприз. За сорок минут до шоу в фойе началась суэта – стали приезжать гости. В кафе появились первые клиенты. Пора было уходить готовиться. Я прошла через фойе. Мне хотелось увидеть лица тех, кто будет формировать общественное мнение. Хотелось выбрать то лицо, на которое я буду смотреть во время выступления, как будто этот человек пришел ко мне. Хотелось найти поддержку. На Моника будет смотреть Валера, Витька такими вопросами не задавался, к Сереже, наверно, придет его подруга. Я как-то очень остро почувствовала свое одиночество. Я вглядывалась в лица, искала то самое, которое на ближайшие два часа станет моим, родным... Удивительно, но при всей пафосности премьеры, рекламной шумихи и статуса приглашенных гостей, лица были очень теплые и радостные. Бери любое, точно поддержит. Краем глаза я заметила китайцев и вспомнила, Валера приглашал потенциальных китайских партнеров. Что именно он хотел с ними делать, он держал от всех в секрете, но ему было очень важно, чтобы делегация на шоу приехала. Валера бронировал для них VIP места в первом ряду. Рядом были места для чиновников. Ряд для прессы. Валера вышел к делегации, и они гуськом двинулись в сторону переговорной. Суэта усиливалась. Выбрав себе два самых приглянувшихся лица, я пошла готовиться к выходу.

Открыли дверь в бассейн, места стали быстро заполняться. Смех, шум, музыка, ощущение праздника витали в воздухе. Чем радостнее становилось в бассейне, тем страшнее было мне. Когда все было веселой игрой, когда перспектива выйти к пятистам зрителям была очень отдаленной, это была одна ситуация. Сейчас мне стало совсем не по себе. Слишком много ожиданий, слишком важно, как пройдет сегодняшнее шоу. Слишком много нюансов. Грумер нанесла мне грим, помогла одеть костюм. Я посмотрела на себя в зеркало. Сказочно хороша. Я даже не думала, что могу так выглядеть. Это приободрило. Пора...

Музыканты заняли свои места и стали играть. Моника с Витькой вышли на сцену. Все шло как на прогоне. Через пять минут мой выход. Выдохнула, вышла.

Зрители сидели замороженно. Белух пока не выпускали, первые номера исполняли афалинки. Аста и Гектор были безупречны, все шло как по маслу. Звук не подкачал, все было даже слишком хорошо. Мы отыграли свои номера, я осталась на помосте одна. Близился наш дуэт с Принцем – моя любимая партия. Сережа вышел на помост – синие глаза сияли, красив невероятно. Мне так просто было играть неразделенную любовь, ведь практически и играть то было нечего. Мы с Сережей по очереди делали прокаты на Мире – он меня отверг, и я его

заколдовывала. Я откатала свой прокат, вышла на помост и начала свою партию, Мира повезла Сережу. Они сделали круг по бассейну, выходили на трюк с прыжком и тут Мира сделала свое дело. В момент прыжка она метнулась в сторону. Да не просто в сторону, а в сторону китайской делегации. Сережа летел прямо на них. Я продолжала петь. Вот уж заколдовала, так заколдовала. Я понимала, что в этот раз не обойдется. Сережа сделал все, что мог, сгруппировался, сделал в воздухе рывок, но бортик все-таки зацепил. В те несколько секунд мы не понимали, что с ним, не понимали, уже пора за ним нырять или он справится, ребята-демонстраторы вытянулись в струну, готовые реагировать. Валера побелел. Ему срыв шоу мог обойтись очень дорого. Зрители особо понять ничего не успели и сейчас все зависело от Сережи. Я выискивала глазами его девушку, но не находила. Сережа выплыл, показал «Ок» и жестом показал, что переплывает в гримерку. По сюжету это было уже близко, у нас был еще небольшой танец, но его я могла оттанцевать и сама – торжество зла без добра.

Мы все были заняты в дальнейших сценах, поэтому серьезность проблемы понять не могли. Моника жестами пообщалась с Данилой, Данила с демонстраторами, ребята побежали в гримерку к Сереже. Ветеринарный врач Ирина Ивановна, которая присутствовала на каждом шоу, побежала за ними. Выпустили Кристо, теперь была его часть шоу. Начались мои прокаты с Кристо. После них у меня будет минут двадцать, когда я не занята, там будет Моника, а я добегу узнать, что с Сережей. Эта мысль меня держала, наверно, поэтому я так четко смогла все откатать. Мне по роли искрить любовью уже не требовалось, поэтому слегка перекошенное лицо могло сойти за имидж. Мы оттанцевали с Моникой, обменявшись взглядами и поняв друг друга без слов. И я и она уже просчитывали, как выкручиваться, если что.

Я побежала в гримерку. Сережа лежал весь белый, пахло камфорой, Ирина Ивановна набирала шприц. Я застыла в дверях не зная, можно ли подходить. Ирина Ивановна сделала ему укол и пошла к выходу.

– Ирина Ивановна, что?

– Так не понятно, на первый взгляд, перелома вроде нет. Я обезболивающее сделала, пусть полежит. Минут через двадцать проверю. Сколько у вас там есть времени до его выхода?

– Минут сорок точно. Даже побольше.

– Я через пятнадцать минут приду, тогда и посмотрим.

– Хорошо. К нему можно подойти?

– Подойди.

Я пошла к Сереже. Он лежал с закрытыми глазами, дышал тяжело. Я села рядом, почти не дышала, просто смотрела, не отрываясь. Видела, что ему очень больно.

– Настя, поддержи меня за руку, – он сказал еле слышно, я скорее почувствовала, чем услышала. Мне кажется, что у меня так бешено стучало сердце, что его слышно даже за дверью.

– Ты как?

– Встану. Не переживайте. Не подведу.

– Ты чем ударился?

Он просто взял мою руку и положил на грудь. Дышать постепенно начинал спокойнее.

– Как там в зале?

– Вроде не заметили ничего. Я там сама дотанцевала. Ребята почти нырнули за тобой.

– Приятно.

– Тебе принести что-нибудь?

– Я сейчас сесть попробую, поможешь?

Я кивнула, Сережа подтянулся на локтях, поморщился. Лицо постепенно начинало оживать.

– Хочешь, я девушку твою позову? Она здесь?

– Нет.

– Почему?

– Разошлись. Ты посиди со мной, пока можешь, ладно?

Сердце опять предательски забилося. Настя, возьми себя в руки. Вернулась Ирина Ивановна, посмотрела на Сережу, проверила пульс.

– Выглядишь получше. Встать можешь?

Сережа потихоньку поднялся.

– Голова не кружится?

– Нет, – я видела что врет, равновесие держит через силу. Ирина, похоже, видела тоже.

– Настя, передай там Монике, что все в порядке. Минут двадцать еще есть, он уже молодцом. А я пока его еще подреставрирую.

Сережа улыбнулся, было видно, что любое движение, даже улыбка, дается ему с трудом. Я побежала в бассейн. Нужно было успеть переговорить с Моникой. Когда я пришла в бассейн, как раз был самый романтичный танец Моника с Кристо. Скоро будет наш с Мирой выход. Мира сидела в загончике как ни в чем не бывало и явно еще не закончила. На меня взглянула высокомерно. Валеру, наоборот, уже отпустило. Зрители не отрывались от Моника. Искрило больше, чем обычно. Моника и Кристо отыгрывали так, чтобы ни у кого не возникало никаких подозрений. Мира разошлась. Она уходила под воду, и лучшей стратегией было просто принять ее игру. Моника жестом показала, что я все делаю правильно. В зале никто ничего не понял. Музыканты импровизировали, в ожидании моего вокала, а мы с Мирой кувыркались в воде, я уже приняла решение выходить и петь на помосте. Но в какой-то момент Мирин запас вредности закончился, и она перестала меня сбрасывать.

Дальше все прошло без эксцессов. Кристо превратился в Сережу. Сережа вынырнул из укрытия, как ни в чем не бывало, сияющие глаза, развевающиеся волосы, только лицо абсолютно белое. Но это было как будто и на руку – юноша бледный со взором горящим. Зрители были влюблены, любовь витала в воздухе, овации...

Валера сиял как чайник, китайцы кивали и много говорили, чиновники жали Валере руку. Журналисты окружили нас, фотографировали, мы договорились о пресс-конференции через час, в ресторане накрывали банкет. Мы все ушли в гримерку и налетели на Сережу. Первая Моника, обняла и говорила спасибо. У нее текли слезы. Он морщился, ему было больно. Витька хлопал по плечу и говорил «Мужик», я потрепала по волосам. Ирина Ивановна причмчалась со шприцем, но Сережа отказался. Он был героем премьеры. Обычно эта слава доставалась Монике и от зрителей, и от коллег. Но сегодня все лавры достались Сереже. Потом Ирина Ивановна сказала, что у Сережи сломано ребро. И он сразу это понял, но терпел при всех надавливаниях, вида не показывал. Что отыграл на одной только воле. И что пару раз он терял сознание, но ни на секунду не задумался о том, что можно не выйти на финал.

На банкете Моника пошла работать дальше – ее часть выступления не закончилась, она очаровывала партнеров и нужных людей, рассказывала им, как создавался мюзикл, мы пошли на пресс-конференцию делать то же самое для журналистов. У каждого брали интервью, кто, как попал в Дельфихолл. Из нас стали делать звезд. Наутро мы сели подводить итоги. Моника оплатила Сереже неделю в санатории и отправила его одним днем.

Наше шоу показывали по всем каналам. После такого успеха интерес к Дельфихоллу взлетел до небывалых высот. Мы планировали сезон. Отдел продаж принимал заявки на лето. Мира вела себя как ни в чем не бывало. Утром немножко вредничала, днем тренировалась в полную силу. Мы придумали новый вид услуг для клиентов – танец красавицы и Чудовища – постановочный номер с фотосессией. Жизнь плавно входила в свою колею. Объем работ к сезону был ясен.

Первые дни было какое-то опустошение. То, чем мы жили весь год, мы сделали, все было отработано и не требовало внимания и сил. Ближайшие года два будет идти наш мюзикл, так что времени освободилось много. Я опять начала гулять по берегу, тем более, что совсем уже теплело. Потом Валера объявил, что скоро к нам привезут новую белуху. Чтобы не дергать

китов-артистов на придуманную нами услугу «танец Красавицы», он решил выделить отдельного зверика.

В этом был смысл. Дельфины за день съедают от 10 до 20 кг рыбы, и их рацион тщательно просчитывается на весь день. За каждый трюк дельфину полагается рыбка. Если дельфин сыт, то может и не танцевать. А если после каждого шоу еще докармливать дельфина рыбкой за общение с гостями, то к третьему представлению они могут просто лениться. Поэтому на услугах работали другие дельфины. Но других белух не было, а идея Валере очень понравилась. Тем более после премьеры все Валерины гости изъявили желание поплавать с белухами, поэтому, в отличие от нас зверики без работы не сидели. Вся неделя была расписана под ВИП гостей, и Моника пропадала с ними. Мы с ребятами в это время быстренько придумали новую фишку для услуг – свадебное купание. Понятно было, что шоу каждый день мы будем показывать с мая по конец сентября, а потом нам нужно будет чем-то заполнять дни. А предложить жениху с невестой романтический танец с элементами шоу нам показалось интересным. Придумали сразу два варианта – для сумасшедших невест, готовых испортить прическу и для обычных, которые будут просто сидеть на помосте, пока жених танцует для нее, а потом дельфина гладить. На волне успеха мы остановиться не могли. Идеи так и перли.

Как-то озаренная очередной идеей, я бежала к Монике и в фойе наткнулась на женщину лет пятидесяти, немножко странно одетую. В руках она держала цветы. Спросила Сережу. Сережа еще не вернулся из санатория, я ей об этом сказала. Женщина очень расстроилась, отдала мне цветы и сказала:

– Тогда передайте артистам.

Такого у нас еще не было. На спектакле цветы иногда дарили, это правда. На премьере Моника просто завалили цветами, мне тоже перепало. Но вот так было впервые. Я очень обрадовалась, что Сережин талант оценили.

Теплело. Вернулся Сережа, в Дельфихолле сразу стало как-то веселей. Сначала мне показалось, что это только моя реакция, я действительно по нему очень скучала. Потом я заметила, что демонстраторы тоже оживились, похорошели девчонки администраторы. За эти полгода Сережа стал душой дельфихолла. Моника вызвала его к себе и они о чем-то очень долго разговаривали. Обычно я знала все задумки Моника, но эту неделю мы практически не общались. Она была постоянно с гостями Валеры, а я очень много гуляла. Осознала, что последние полгода моя жизнь физически сузилась до территории Дельфихолла. Через два часа Сережа вышел задумчивый, по лицу трудно было понять, о хорошем или плохом они так долго говорили. Моника тоже ничего не говорила. Мне Сережа едва кивнул головой, даже не улыбаясь и ушел домой.

Мы отыграли второе шоу, все прошло без эксцессов, публика была попроще, и Сережа исчез. Сразу после шоу. Еще два дня я его не видела. Мне очень хотелось спросить Моника, что случилось, но мне казалось, что она заметит мою слишком уж личную заинтересованность. Странно, что она до сих пор ничего не заметила. Впрочем, я наверно, хорошо держалась, потому что, несмотря на нашу особенную дружбу в начале репетиций, никто не обратил на нас внимания. Через три дня он сам позвонил. Рассказывал в захлеб, что уже на Севере, что уже смотрит на маленьких белушонков и сейчас пытается выбрать трех для нас. Один останется с нами, а двоих передадут в Китай. Именно об этом и договаривался Валера, именно об этом они разговаривали с Моникой. Сама она лететь не хотела, и логично было бы отправить Витьку, но Витька с Валерой срочно готовили отдельный бассейн для малышей, чтобы выдерживать их на карантине. Новых питомцев с момента открытия Дельфихолла не привозили, это было целое событие. Моника разговаривала с Сережей, чтобы понять, насколько он готов к такому поручению. Она тоже увидела, что Сережа чувствует звериков, как находит подход, замечает особенности. В конце концов выбирать он будет трех, а здесь уже вместе определяют, кто лучший. Кроме того, Сережа ехал выбирать друга себе. Воспитывать и тренировать новичка пред-

стояло именно ему. Сережа вышел от Моника как всегда в мыслительном процессе, поэтому мало что замечал вокруг. Не стоял вопрос, ехать или нет, он за все брался с радостью и каким-то детским интересом. Он уже просчитывал, с чем он может столкнуться, чтобы все узнать заранее. Тут и выяснилось, что у него есть небольшие теоретические знания в ветеринарии, которые вполне могли стать практическими. Конечно, это была авантюра, как и все, что делал Валера. Но все поверили в Сережину удачливость. Все решалось очень быстро, времени на подготовку не было совсем.

Первый день Сережа пролежал в бассейне, где плавали белухи и просто наблюдал за ними. Начал их различать, замечать особенности и склонности. На следующий день он начал их сам прикармливать. Вот тогда-то он и позвонил. У него было столько эмоций и столько детского восторга, как будто ребенка первый раз в магазин игрушек привели. После этого он звонил каждый день. Рассказывал про характеры, говорил, что уже почти определился, любимчику уже дал имя. Присылал фотографии маленьких красавчиков. Маленькими они, конечно, были весьма условно. Но и наши то были не особо велики. По человеческим меркам все они были подростками. Через четыре дня Сережа был готов вылетать. Он торопился на шоу.

Белушат привозили накануне шоу, ждали вечером, но получилось глубоко ночью. Домой никто, естественно, не ушел. Во всем Дельфихолле царило оживление, все носились бестолково из угла в угол, находили себе дела, только бы дождаться приезда новеньких. В конце концов, Моника разогнала всех маленьких сотрудников по домам – завтра важный день, нужно высыпаться, достаточно того, что весь выступающий состав спать не будет. Но самое удивительное, как вели себя зверики. Они носились по воде как угорелые, есть отказывались, в сон не уходили, они явно что-то чувствовали. Мира же наоборот, затаилась, похоже почувствовала угрозу своему королевскому статусу. Вот уже больше года я поражаюсь их способности чувствовать все. После Мириной выходки Кристо, если их выпускали обоих одновременно, в парных номерах, постоянно подстраховывал и своего партнера и Мириного. Видно было, что он готов реагировать. Когда уезжал Валера и Моника одновременно, выдыхали не только сотрудники, но и зверики. Хотя Валера их вообще никак не касался. Но общая расслабленность людей передавалась в секунды. Возвращались в ритм зверики за день до приезда начальства, в отличие от людей, поэтому их расслабоны были понятны и заметны только нам. Нам часто их ставили в пример как самых честных работников, которые собраны независимо от обстоятельств. Когда уезжала Моника, Кристо грустил. Ел меньше, был неактивный, но шоу отработывал по-честному. Он был трудяга и настоящий Артист.

Сережа позвонил Валере где-то за час до приезда, и наша активность усилилась в разы. Нас осталось десять человек, но было ощущение толпы. Мы все носились в радостном возбуждении. Но меня просто трясло. Я то ждала не только белух. Я ждала Сережу.

Он вошел уставший, слегка пошатываясь – еще укачивало от долгого перелета-переезда, круги под глазами, какой-то повзрослевший, еще больше похудевший. Но улыбался во всю свою широкую улыбку. Все прошло удачно. Его все окружили, он устало отвечал на вопросы, а я смотрела на него не отрываясь. Потом кто-то додумался, что он голодный и его увели в кафе. А я так и стояла у столба и думала, что мне с этим делать дальше? Убегать нереально. Я слишком любила тот мир, в который я так внезапно влетела и мне было жаль терять его. На меня было так много завязано сейчас, что при всем желании побег откладывался, а еще и желания не было. Но меня так тянуло к этому парню, что это становилось уже навязчивой идеей. Меня выдернула Моника и потащила к малышам. Но мне было как-то невесело. Я ушла спать и плакать.

Впервые с момента разрыва с Ромой мне хотелось плакать. Почему этого человека, так идеально мне во всем подходившего, любившего то же что и я, чувствующего так же, как и я, с такой неброской с первого взгляда, но мощной харизмой так поздно родили? Двенадцать лет!!! Что мне делать с этим? Мне кажется, что скоро меня прорвет, и это будет всем так заметно. Я

решила по возможности дистанцироваться. Репетировали мы мало, шоу шло редко, при желании можно было встреч избегать. Мы встретились днем уже на шоу. На Сережу смотрела только украдкой. Но вот в дуэте заискрило так, что зал аплодировал стоя. Все-таки были в этой моей влюбленности свои плюсы. Сегодня интервью брали у меня. Удивительно, но я узнала в себе Монику... улыбалась я телевизионщикам ослепительно, а вот глаза как-то запаздывали. Не зря я подозревала, что есть у Моники какая-то история.

Сережа же был как всегда безупречен. Зверики немножко волновались, сказывалось присутствие малышей, но Мира сегодня была само совершенство. Особенно с Сережей. После шоу все побежали в бассейн малышей, а я пошла на море. Вода теплела с каждым днем, можно было бродить по ней. Я вспоминала наши летние тренировки, как тогда было все спокойно и легко в ожидании праздника. А теперь мне было непонятно, радоваться ли этой захлестнувшей меня волне эмоций или плакать от невозможности и нереальности этого моего чувства. Сережа почти все время проводил с малышами. Двоих он уже потихоньку начал тренировать, а одна малышка никак не начинала полноценно кушать. Звери при переезде испытывают сильный стресс, и аппетит к ним возвращается не сразу. Первым включился Сережин любимец Ванька. Он был самым толстеньким и самым бойким еще на Севере, ничего не изменилось и тут. Ваньке прочили скорый переезд в большой бассейн в общую тусовку с артистами, чтобы выпитывал. У этого перевода был определенный смысл. Чтобы зверик стал настоящим артистом, нужен не один месяц, даже год. Простые трюки они начинают выполнять практически сразу, а вот до уровня наших нужно тренироваться и тренироваться, все как у людей. А наши зверики плавно вплывали в период пубертата. Через пару лет все рассчитывали, что и белухи, и афалины могут принести потомство и тогда девочки выпадут из выступлений. К этому времени Ванюха будет уже готов. Задумывались также и про замену для Асты, но с этим было проще, афалинки были еще и в услуговом бассейне.

Как-то незаметно подступил сезон и стало не до романтики. Для нас уже шоу не было такой сказкой, все было отработано, зрители принимали на ура. Мы понимали, что к осени нужно начинать тренировать дублеров и продумывать вариант с фонограммой.

В один из дней в фойе я опять увидела женщину, которая спрашивала Сережу. На этот раз он был здесь и вышел. Они о чем-то разговаривали, она подарила цветы и шоколадку и ушла. Сережа был какой-то пунцовый. Оказалось, она ходит сюда через день и Сережу уже даже звать перестали, но сегодня он случайно проходил мимо. С самой премьеры она влюбилась в него как девчонка, и ходила просто на него посмотреть и выразить свое восхищение. Сережа не знал, что с этим делать, а меня эта сцена отрезвила окончательно. Я как-то со стороны увидела, как это могло бы выглядеть, и мне как будто под дых дали. Стало больно, дышать было нечем. Повторялась моя история по кругу.

Через несколько дней мне принесли букет. То, что шоу гремело и цветы нам там иногда дарили, уже стало обычным. Но этот доставили в Дельфинарий посреди дня. Букет был очень изысканным. Ни записки, ни намек от кого, не было. Я не стала ломать голову. Не было вариантов. Через пару дней ситуация повторилась. Букет был таким же. Еще через неделю для всего выступающего состава пришло приглашение на морскую прогулку с пикником. Моника приняла приглашение. В ближайший наш выходной нас забрали от Дельфихолла и повезли на причал. Пригласившие были небольшой компанией. Три парня и одна девушка. Парням на первый взгляд было чуть за тридцать, девушка помладше. Двое оказались мужем и женой. Они жили в Севастополе, остальные их бизнес-партнеры из Москвы и Питера. Сюда приехали подальше, заодно ездили по побережью в поисках впечатлений. Побывали на шоу, впечатлились рискнули пригласить, были удивлены, что мы так легко согласились. Нас так активно показывали в новостях, что ребята считали нас вполне звездными артистами.

Атмосфера была очень милая. День пролетел незаметно. Моника пригласила ребят прийти к нам не в рабочее время, а увидеть жизнь изнутри. Ребята пришли на следующий

день. Я повела их по дельфихоллу. Я рассказывала им историю возникновения Дельфихолла, показывала фотки того, как это выглядело до дельфинария, водила по разным бассейнам, знакомила с нашими питомцами, рассказывала, у кого какой характер, кто что любит. Ребятам было интересно. Я в какой-то момент даже заподозрила, что они действуют по пути Моника, слишком уж глубоким был интерес. Но оказалось, что у ребят бизнес по стартапам, и наше начинание их удивило и вдохновило. Им интересно было все. Это были первые посторонние люди, которых пустили к малышам. Мы провели вместе часа три, а потом я ушла готовиться к шоу. Ребята остались. В этот раз им достались ВИП места. Места всегда придерживали на какой-то особый случай, важные люди приходили практически на каждое шоу. Но сегодня как раз никого не ожидалось.

На следующий день я опять получила букет. А еще через день вечером с букетом меня встретил Андрей, один из этих ребят. Да, на яхте мы с ним много общались, но это было как-то в тусовке, и никаких предложений там он не делал. Как потом выяснилось, я ему понравилась еще тогда, когда они первый раз пришли шоу смотреть, но он не знал, как подойти. Был уверен, что к нам так десятками подходят. Поэтому они придумали эту прогулку. У него даже с собой букет цветов был, но он постеснялся, так как вокруг было много людей, а афишировать он не хотел. Когда я водила их по дельфихоллу, он тоже не решился. Но просканировал ситуацию, понял, что я не замужем и несколько приободрился. Через день Андрей решил, что чем дольше тянешь, тем меньше шансов. Вдруг кто-то уже тоже пытается. Мы пошли прогуляться к морю. Андрей ухаживал красиво. Нельзя сказать, что он мне сразу понравился, но он был какой-то основательный что-ли. Рядом с ним было уютно и комфортно. Он был большой и очень спокойный. Не нервничал, искра от него не шла. Но вот какое-то доверие возникало сразу. Наверно, поэтому мне в моих сомнениях с ним было так легко. И потом, я уже сама приходила к мысли, что моя жизнь проходит в стенах Дельфихолла, во внешнем мире у меня нет друзей, поэтому я с удовольствием выбиралась с ним на волю. Две недели пролетели очень быстро, он познакомил меня с людьми из внешнего мира. А через две недели ненадолго уехал в Питер. Бизнес был его, управлять он вполне умел удаленно, но к этому моменту он уже провел в Крыму месяц и у него возникли какие-то ситуации, требующие личного присутствия.

После его отъезда мне уже было с кем в городе кофе попить, и даже какие-то неплохие знакомые в соседних городах. Я перестала торчать в Дельфихолле все время, и с Сережей пере-секалась только на шоу. Особо мы не общались. Он был занят своими малышами, а меня после той сцены как-то отпустило.

Через неделю я обнаружила, что как-то даже скучаю по Андрею. Все-таки то чувство защищенности, которое он внушал, было очень комфортным для меня. Когда Андрей уезжал, мы ни о чем не договаривались. Он мне не звонил, я особо и не ждала его звонков. Но букеты мне периодически доставляли. Я встречалась с его друзьями за чашкой кофе, иногда в мой выходной мы плавали на яхте, иногда они приглашали еще и Белого с Черновым. Недели через три Андрей опять встретил меня у Дельфихолла с букетом. За эти три недели он успел вписать наши шоу в свой бизнес, причем очень нестандартным способом. Он организовал ВИП-туры к нам, которые включали шоу, плавание с дельфинами, причем тот самый свадебный вариант, но несколько видоизмененный, баню. Что-то было в нем от Валеры. Любую возможность превращать в бизнес. Если он решил прилетать ко мне в Крым, то затраты перевел в доходы. Обсуждал он все эти идеи напрямую с Моникой, я об этом ничего не знала, так что сейчас он просто со мной делился.

Так начался наш роман. Нет, я не потеряла голову, и химии никакой не случилось. Наверно, я убежала в эти отношения от одиночества и безумной своей любви к Сереже. Помнится, один раз я так уже сделала и только выиграла. Андрей все сделал правильно. Он не форсировал, сначала был мне другом, но с легким подтекстом – цветы, ночные прогулки под южным небом, дал к себе привыкнуть. Потом исчез, дал заскучать. Когда вернулся, тоже не

сразу в бой ринулся. Удивительно, но во всем этом не было расчета. Он и поцеловал-то меня первый раз через два месяца после знакомства в наш-то век скоростей. Но зато в тот момент, когда уже был абсолютно уверен в результате.

Жизнь теперь протекала таким образом – я работала, сезон был в разгаре, иногда выбиралась в город поужинать с кем-то из знакомых Андрея, а когда он приезжал, перебиралась к нему. Неделю мы жили в таком формате, в мой выходной мы уезжали понырять с его друзьями-дайверами, иногда он придумывал еще какую-нибудь активность. Днем, когда я работала, Андрей искал новые деловые связи. Без дела он не сидел.

Сереза как-то погрустнел. Когда он работал со своими малышами, он был безусловно счастлив, но перед шоу я иногда замечала, что он чем-то расстроен. Повод для этого, конечно, был. Скоро его малышей должны были отправить в Китай, а они уже так привыкли друг к другу. В ноябре, когда шоу будет идти реже, скорее всего он сам и повезет подросших белушат. Поговорить у нас не получалось. Он был все время в бассейне, а я сама инициативу не проявляла.

В очередной приезд Андрея мы опять поехали на яхте всем актерским составом. Даже Валера поехал с нами. Для Валеры запахло деньгами, он увидел в Андрее готовые бизнес-возможности, поэтому в непринужденной обстановке они менялись идеями, как и где еще можно использовать возможности Дельфихолла. И вдруг нас догнали дельфины. Плыли рядом, выпрыгивали из воды, играли в волнах. У дельфинов есть такая игра, используя ресурс волн разгоняться до больших скоростей. Для них корабль – это большая игрушка. Мы смотрели на то, как они кувыркаются в воде, и вдруг почти безотчетно я шагнула туда к ним. Я давно мечтала это сделать, хотя и понимала прекрасно, насколько это небезопасно. Мы знаем много историй о том, как дельфины доталкивают людей до берега, но знаем ли мы другие истории? Дельфины играют живыми существами как мячиками, они вообще очень любят играть. Афа-лины могут заиграть дельфинов-азовок до смерти, а ведь это один и тот же вид. Что они сделают с человеком, оказавшимся среди них? В условиях неволи, когда наши зверики недовольны или разыгрались, они могут и хвостом лупануть, и носом подтолкнуть. Когда я ныряла в служебный бассейн, он наваливались на меня все сразу, и выталкивали, и притапливали. Играли, как хотели. И это были тренированные дельфины. А что сделают вольные особи?

Но я так давно об этом мечтала, поплавать с дельфинами в открытом море, что почти не думала. Все произошло так быстро, что никто даже не успел сориентироваться. Сереза сразу бросился за мной. С одной стороны, это было логично при его то отношении с дельфинами. Но когда он вынырнул и прорезал меня сталью своих глаз насквозь, я поняла, что прыгнул он действительно за мной. Дельфины вели себя нейтрально-дружелюбно. Все обошлось, чуда взаимодействия человека с дельфином не произошло, но и проблем не возникло. Яхту остановили, а дельфины поплыли дальше. Остальные тоже присоединились к купанию, Сереза же наоборот, вылез на яхту. Я тоже поднялась. Сереза лежал на полу, его трясло. Он опять посмотрел на меня, сказал: «Дура» и отвернулся. Но глаза уже потеплели.

Да. Сереза злился редко. Но когда он злился, глаза у него из синих превращались в холодные стальные. Этой сталью он мог зарезать без слов. Сейчас я на себе это прочувствовала сполна. Зато никто ничего не заметил. Просто два человека решили искупаться с дельфинами. Пошутили. Не первый раз мы вытворяли глупости. Веселились, пили сухое вино. Сереза был молчаливым, больше не смеялся. Он, как никто, понимал всю серьезность произошедшего и чем это было чревато. Но что-то стало доходить и до меня. Он испугался за меня! Видимо, его отношение ко мне тоже было каким-то нерациональным.

Андрей через пару дней уехал, мне не хотелось оставаться одной дома, и я пошла ночевать в Дельфихолл. Небожителям не запрещалось. Моника была не против, что бы я в любое время приходила в бассейн. Я пришла понаблюдать за питомцами. Я давно не находилась в бассейне просто так, только на шоу и тренировках, как-то мы все разлетелись по своим делам.

Витька и Сережа занимались новыми зверюшками, Моника с Валерой окучивали потенциальных партнеров, Данила разбирался с фонограммой для шоу. Я много времени проводила с Андреем, когда он был здесь. А сегодня как-то захотелось опять, как раньше, понаблюдать за ними, почувствовать эту волну. Я села на зрительские места и наблюдала. Какое-то время они еще лениво плавали по кругу, Гектор гонял мячик по бассейну, остальные в игру не включались. Потихоньку засыпали. Дельфины очень интересно спят. Это как раз те нереальные существа, которые никогда не засыпают полностью. Когда они спят, полушария работают по очереди, позволяя им держаться на поверхности воды. Аста уперлась носиком в бассейн и уснула. Мира немножечко подурила и тоже начала засыпать. Кристо и Гектор неспешно плавали кругами.

Я сидела уже полчаса, ни о чем не думала, просто кайфовала. Шоу будет только вечером, торопиться было некуда, спать не хотелось. В бассейн тихо вошел Сережа. Посмотрел на меня и сел поодаль. С его приезда мы не общались. Здоровались на шоу даже без дежурного как дела. Я даже не понимаю, как это произошло. Мы не ссорились, не было никаких поводов, но после тех северных разговоров взахлеб просто перестали разговаривать. Когда он вернулся, меня так трясло, что я просто боялась ошарашить этим своим эмоционалом. Он очень тонко чувствовал многие вещи, вряд ли он не замечал, как меня колбасит. Сейчас я успокоилась, присутствие неспешного основательного Андрея в моей жизни несколько меня уравнило. Я первый раз за все это время посмотрела на Сережу открыто и улыбнулась. Он тоже. Я кивком головы пригласила его сесть рядом, он подошел. Невозможный, как всегда. Сначала мы молча смотрели на дельфинов. Потом он сказал:

- Ты больная на всю голову. Ты же знаешь, чем все могло закончиться!
- Мне хотелось. А ты как собирался меня спасти?
- Я не думал. Не до того было.

Да, там правда и двух секунд не прошло, как он тоже оказался в воде. Со стороны выглядело, что мы просто прыгнули одновременно.

- Я соскучилась. Мне тебя не хватало – неожиданно для самой себя сказала я.

Он посмотрел на меня. В темноте и глаза его казались темными. Ничего не ответил, но в мозгу, как обычно, что-то зашевелилось. Пошел мыслительный процесс. По Сереже это всегда было очень заметно, и наблюдать было очень забавно. И еще произошло что-то неуловимое, но он как-то изменился. Как будто вспомнил, что-то давно забытое, что вертелось близко, но никак не всплывало и этим тревожило. Я хотела сказать какую-то глупость типа «ты мне как братишка» или что-то похожее, но вовремя поняла, что не нужно. Не нужно обесценивать ни его, ни момент, ни то, что сейчас между нами происходит. Он накинул мне куртку на плечи и придвинулся поближе. Мы так и просидели молча плечом к плечу больше ничего не говоря. Зверюхи уснули уже все, стало совсем тихо и как-то прозрачно. Мы почти не дышали. Страшно было разрушить эту близость. Часа через два он сказал:

- Давай я провожу тебя домой. Скоро рассвет, а ты еще не ложились.
- А давай лучше пойдем смотреть рассвет. На крышу.

Мы поднялись в кафе, я сварила кофе, и тут нас прорвало, мы говорили, говорили, говорили. Казалось, мы пытались наверстать все наши месяцы молчания, как будто копили слова. Мы смеялись, говорили обо всем, о шоу, о белушатах и их успехах, о моем безумном прыжке в дельфинов, о том, что если бы не я, он скорее всего, тоже бы прыгнул, потому что стоял и думал именно об этом, о том, что если бы он прыгнул первым, то и я стопудово рванула за ним, потому что с ним мне точно ничего не страшно. Как всегда, оказалось, что мы думали об одном и том же. Потом он посерьезнел и сказал:

– Я так за тебя испугался. Ты спрашивала, что бы я делал? Не знаю, закрывал бы собой столько, сколько был бы жив. Пообещай мне, что без меня не будешь рисковать.

Я смотрела на него во все глаза. Мне не казалось. Он был в меня влюблен. Он чувствовал и переживал примерно тоже, что и я два месяца назад, его останавливало все то же, что и меня, а теперь еще и Андрей. Ревновал ли он? Не знаю. Но ни разу за это время ничем себя не выдал, кроме того случая на яхте. И теперь я еще больше не знала, что с этим делать. Пока это касалось меня одной, мне было легко с этим справляться. Теперь это касалось нас троих. Светало. Мы рванули на крышу и смотрели, как из-за гор начинает выходить солнце. Потом Сережа проводил меня домой, и я уснула как убитая.

В Дельфихолл примчалась на два часа раньше, тут же налетела на Сережу и началась та же игра в молчание, но теперь со знаком плюс. Мы постоянно переглядывались и улыбались друг другу, но ни о чем не разговаривали.

Сезон катился к концу, море еще было теплым и в один из выходных мы с Сережей побежали купаться. Ныряли с разбегу в море, потом переглянулись, и стали нырять с разбегу взявшись за руки. Потом взявшись за руки и не отрывая глаз друг. В наших отношениях было столько чистоты и детства, сколько не было даже в детстве.

Через неделю приехал Андрей. Они что-то придумывали с Валерой, и он приехал надолго. Судя по всему, намерения у Андрея были серьезные в обоих направлениях – и с Валерой, и со мной. Складывалась вообще какая-то идеальная картинка. Два бизнесмена, их жены занимаются творчеством, получалась какая-то калька с их семьи. Предложение Андрей мне пока не делал, но ощущение было, что вот-вот. Я увидела эту картинку как-то со стороны, и она мне не понравилась. Я опять вспомнила ослепительную улыбку Моника и глаза, живущие отдельно. Этот ее театр во всем. Не зря у нее были такие отношения с Кристо, не зря она так близко меня к себе впустила. Просто там, в семье у нее этого тепла не было. Только бизнес. Вот и сейчас Моника работала очаровательной талантливой Женщиной на всяких приемах, а хотела всей душой быть в бассейне с Кристо.

Сережа был безупречен. Когда Андрея не было рядом, относился заботливо и нежно, когда мы были вместе с Андреем, умудрялся общаться по-свойски, без всякого напряжения. Чего ему это стоило? Андрей был запретной темой, мы никогда о нем не разговаривали, но нашей теплой дружбы Сережа не сдавал, а мои отношения с Андреем портить не пытался. Втроем мы никуда не ходили, если Андрей его приглашал, находил удачный повод вывернуться, но в общих тусовках участие принимал. Наблюдал из-под своих черных ресниц за мной и что-то там писал на подкорочку. Мы по-прежнему внутри Дельфихолла почти не общались, но иногда гуляли вместе. Море уже остыло, иногда мы залезали в воду, но совсем ненадолго. Близился час X, когда кого-то из малышей повезут в Китай.

Недели за три состоялись жаркие дебаты, кого же все-таки оставлять. Или обжору и игруна Ванюшу, который быстрее всех учился, или малышку Лизу, потому что девочка. На Сереже не было лица, он любил их всех, и любое решение было болезненным. Я постоянно была рядом с ним, отвлекала. Девочку побаивались из-за Миры, характер Лиза еще не показывала, и непонятно было, чего ждать. Но Валера склонялся к ней. Потенциально Лиза могла принести потомство, а это деньги. Но это была такая далекая перспектива, лет через шесть, а Ванюха был готов к работе уже сейчас. Валера считал, Сережа грустил, зверики, как обычно, уже что-то поняли, в бассейне начались волнения. Да, малышей так и не перевели ни в один из бассейнов, так как не было решения, кого оставляем, чтобы не подвергать стрессу лишней раз ни их, ни взрослых. Но они каким-то своим шестым чувством уже сканировали изменения. В конце концов сошлись на Ваньке. Ваньку решили оставить. Перевести в бассейн после шоу, чтобы была неделя на привыкание. Остальных готовить к переезду. Переезд поставить сразу после осенних детских каникул.

Валера тоже собирался в Китай. Он планировал подписать контракты на поставку животных, и еще у него зрела какая-то авантюра, которой он пока ни с кем не делился. Сережу этот факт слегка напряг, он в присутствии Валеры не чувствовал себя уверенно, особенно в послед-

нее время. Они были полностью антиподами – Валера все считал, во всем видел деньги и перспективы, Сережа никогда не делал точных расчетов. Он брался за любую задачу без предварительной подготовки, что-то там крутил в голове, ничего не делал ради денег и выгоды, и все получалось само собой. Но чуйка у обоих была звериная. Даже если Валера рассчитал, что все как-то не очень, но, если внутренний голос говорил рискни, Валера рисковал. Тем более, теперь он мог себе это позволить. А если голос говорил нет, Валера не брался даже при кажущейся легкости. Еще и поэтому его так ценили в бизнес-среде, что в своих ощущениях он редко ошибался. Моральная сторона вопроса его при этом не интересовала. Сережа же никогда не наступал на свои ценности. Он делал только то, во что верил, и никакими деньгами его было не соблазнить. И деньги у него всегда были. Они были так далеки друг от друга, что долгий путь до Китая вдвоем представить было трудно. Потом возник еще один вопрос – Валера, естественно, летел бизнесом, Сереже было не по статусу, но и покупать разные билеты было как-то слишком показательно даже для Валеры. Он играл в демократа и показательно не презирал. Сереже было гораздо спокойнее лететь экономом, подальше от Валеры, но это накладывало определенные неудобства в виде ожидания багажа и прочих привилегий бизнес-класса. Потому что добираться из аэропорта до Дельфихолла на разных машинах было уж совсем нелепо, а ждать Валера не любил. Ну и поскольку речь шла о билетах только обратно, Валера расщедрился. Туда летели спецрейсом, по-другому малышней перевезти было невозможно.

Ванька не зря был Серезиным любимцем. Многие в них было схожим. Он очень быстро адаптировался в новом бассейне, ничего в его характере не поменялось. Уже через день он кушал с удовольствием. Артисты принимали его настороженно. Но помогало то, что он ребенок совсем и очень любознательный ребенок. Он ко всем подплывал, тыкался носом, прижимался бочком. Дельфины очень долго остаются детьми, можно сопоставить с человеческим детством, под мамой они могут ходить до шести лет. Что же говорить о наших малышах-трехлетках. Дружелюбнее всех его приняла Аста. Она вообще была самая дружелюбная. Они быстро подружались и часто играли в догонялки. Гектор, как и положено подростку, реагировал приблизительно так «Я малышней не обижаю, но и дружить с ним особо не о чем». Иногда Асте удавалось вовлечь его в общие игры. С Кристо их подружила Моника. Видимо, свой чужой Кристо определял именно по ее отношению. Моника пришла на тренировку и выпустила их обоих. Она плавала между китами и давала внимания поровну. Но там, где Кристо обнимала, там Ваньку просто гладила. Кристо быстро понял, что у него ничего не поменялось, Моника его любит, а Ваньку поддерживает, и тоже стал опекать его. Мира держалась особняком и гордо. Растопить сердце этой барышни было не так-то просто.

К каникулам все уже утряслось и все прошло спокойно. Публика была немножко другая, в осенние каникулы привозили обычно южных детей. Этих дельфинами было не удивить, смотрели они больше именно шоу. Старшие девочки влюблялись в Сережу и потом приезжали еще и с родителями. Девочки-школьницы с Серезей любили фотографироваться больше, чем с дельфинами. Мы уже шутя предлагали сделать услугу платной. Или как в советские времена продавать Серезину фотографию в ларьках. Моника так и шутила – надо же нам как-то выживать зимой. Сначала Серезе это льстило, потом стало немного напрягать. Он еще не отошел от той своей поклонницы с шоколадками. Она, кстати, иногда заходила, но уже не так часто. Было уже прохладно, и стоять по часу в сыром гидрокостюме было не особо комфортно даже ради симпатичных девочек. Сразу после каникул Сережа улетел. В последний вечер мы опять болтались по берегу, разговаривали, смотрели в небо. Гуляли до самого утра. Просто держались за руки, как школьники. Молчали. Странно, что за все наши гулянки в таком маленьком городке, нас никто так и не засек. Утром он улетел. А через день и я улетела к Андрею в Питер. За почти два года я первый раз вернулась в мою прошлую жизнь.

Было так странно возвращаться. Почти два года назад я уезжала из Питера, и возвращалась тоже в Питер. В тот самый аэропорт, который так круто изменил мою жизнь. Я озиралась

по сторонам, узнавала и не узнавала. Андрей встречал меня с тем самым букетом, с которого начались наши отношения. Я прилетела в мир защищенности, уверенности в завтрашнем дне и полном отсутствии неожиданностей. Андрей заранее продумал, чем мы будем заниматься, куда ходить, и чем мне заниматься, когда он занят. Впрочем, таких моментов было не так много, Андрей использовал Валерину стратегию, и большую часть времени я проводила на приемах. Он даже умудрился организовать прием в мою честь у тех VIPов, которые уже сгоняли к нам по его программе. Вот на этом то приеме он и сделал мне предложение. Не то, чтобы это было для меня неожиданным, я давно понимала, что к этому идет, но сама ситуация поставила меня в тупик. Замуж я категорически не хотела. Миллионы всех разумных доводов не могли заглушить внутренний протест. Я была не готова. Да, Андрей давал мне чувство уверенности и вполне себе удовольствие в постели. Мне с ним было тепло. Мне с ним было комфортно. Я точно знала, что если он сделает для меня и не все, то почти все. Я понимала, за какой каменной стеной я буду. Но я вспоминала, как за мной прыгнул Сережа и глаза его в тот момент. Андрей никогда не смотрел на меня так. И прыгнул за мной тоже не он. Поэтому замуж за него я не хотела. Я допускала для себя эту мысль, но не сейчас, совсем не сейчас.

Ситуация была неоднозначная. Тут были зрители. И в этом тоже была какая-то неестественность. Я все больше чувствовала себя Моникой. Но в конце концов дружба это не мои, а жизнь моя.

– Это очень серьезный шаг. А я девушка не очень серьезная. Надо как-то совмещать файлы.

Вроде выкрутилась, ни да, ни нет. Дома поговорим. Дома тоже выкрутилась, сказав, что день такой чудесный, а решение такое серьезное. Назавтра сошлись на компромиссе. Я думаю столько, сколько надо, а он считает меня своей невестой. Кольцо пришлось одеть, уточнив еще раз, что ничего я не решила, а жизнь менять пока не готова. Андрей проводил меня в аэропорт. Я прошла регистрацию и осталась одна. И вот тут до меня дошло окончательно. С Ромкой у нас были странные отношения. Он постоянно пытался на что-то решиться, но не решался, он сдвигал горы, чтобы ко мне пробиться, а потом воздвигал стены, чтобы отгородиться. Он играл в какие-то свои игры, которые я не понимала. Но никогда в наших отношениях удобство не было ключевым фактором. Такие американские горки. И когда я ловила на себе его взгляд, когда он думал, что я не вижу, столько было в этом взгляде. И от Сережиного взгляда тогда, на яхте все аж перевернулось. А с Андреем было все ровно. Не было химии. Я не знала, хорошо это или плохо. У меня не было ответа. Но были запаздывающие глаза Моника и странное ощущение, что мы валимся куда-то туда же. Все это волнами накатывало на меня, и я почти задыхалась.

И тут позвонил Сережа. Экспедиция прошла хорошо, они вылетали. Он сидел в самолете, Валера еще не пришел, где-то гулял по самолету, и он воспользовался. Он восхищался бизнес-классом как ребенок, рассказывал мне про кресло, которое от пульта раскладывается, про меню, которое ему уже принесли, про то, что там есть свободные места и при желании они с Валерой смогут не напрягать друг друга. Что он видел так много всего интересного, что он, как только приедет, столько всего мне расскажет, и что уже меньше суток, но вот идет Валера, поэтому до встречи...

Так вот все сошлось. Он позвонил мне прямо ночью, как только приехал, договорились на берегу, там, где ныряли. Он хотел зайти за мной, но я отказалась. Хотелось скорее на море. Он уже сидел на берегу в этой своей невозможной куртке, с этими своими невозможными синими глазами и огромными подглазинами, с растрепанными волосами. Услышал меня сначала, в это время на берегу никого уже не было, обернулся, поднялся, бросился обниматься. И целовались мы всю жизнь. Я не помню, кто очнулся первым.

– Сережа, подожди. Мне Андрей предложение сделал.

– Я заметил, – он потрогал кольцо. – А ты?

– А я ему нет. Ни да, ни нет.

– Это я тоже заметил. Что будешь делать?

– Жить.

– Вот и хорошо. Я рядом. Помнишь, ты обещала без меня не рисковать?

– Да.

– Хорошо, что не стала.

И все, больше к этому не возвращались. Он всю ночь мне рассказывал про Китай. Это была его первая заграница. Его потрясла культура, пагоды, запахи, еда. Но больше всего его потряс дельфинарий. Огромные площади под открытым небом, природа. Даже Валера с его размахом проигрывал. Часа через три он проводил меня домой, поцеловал по-братски, я потрепала его по волосам. То, что мы хотели делать давным-давно, но не делали, после сегодняшней встречи стало нормальным. Завтра нам предстояло сыграть встречу, а мы забыли, как мы это делали раньше. Таким естественным было вот так вот запросто броситься друг к другу.

На правах жениха Андрей стал мне звонить. Раньше он не особо это практиковал, но сейчас ввел в ритуал. Нечасто, но с завидной регулярностью. Мы с Сережей грань не переходили. Один раз мне все-таки пришлось в голову спросить, что тогда произошло с его девушкой. Времени прошло уже много, раны должны были зажить. Его ответ меня потряс.

– Мне показалось, она на тебя похожа. Я очень хотел встретить девушку, похожую на тебя. Оказалось, нет.

– Не похожа?

– Нет похожих. И не хочу похожую.

– Так давно?

Он молча кивнул. Сказал это все так просто, без страданий и многозначительности. Кивнул так, как будто я спросила, хочет ли он кофе.

– Иногда мне кажется, я упал тогда специально, чтобы ты пришла. Знал, что придешь.

– Дураки, – что еще я могла сказать. Столько дров наломать, так все запутать.

– Ты тоже? – я кивнула. – Еще тогда? – я опять кивнула. – Дураки, – подтвердил он. – Я не заметил.

Мы опять зашли в какой-то тупик. Все стали ждать, что проблема сама как-то рассосется. Как именно она должна рассосаться и что именно и есть проблема, не думали. Просто жили. Я считалась невестой Андрея, Сережа всегда был рядом, но даже не пытался приблизиться. Я теперь часто бывала на его тренировках с Ванькой. Все становилось похоже на какой-то плохой фильм. С другой стороны, похоже, всем даже нравилась эта игра. Наверно, мы оба боялись перейти эту черту, боялись, что эта наша тяга друг к другу просто всплеск гормонов, и волшебство уйдет. Мысль, что у тебя есть человек, которого ты чувствуешь каждой клеточкой, как-то украшала жизнь сильнее, чем мысль, что у тебя банальный служебный роман. Мы были такие юный Ромео и слегка преждевременно повзрослевшая Джульетта, против которых были обстоятельства. Оглядываясь назад, понимаю, что это был страх. Сначала страх, что не примут. Потом страх этого чувства. Оно было как-то непохоже на все то, что было до...какая-то бездна. С Ромкой, конечно, тоже были американские горки, но все-равно как-то понятнее. Мы были знакомы еще со школы, были ровесниками, дружили, потом долго не виделись. Когда встретились, как-то все само закрутилось. Отношения мы не афишировали, даже не знаю сейчас, почему.

А Сережа это был целый неизведанный мир. И я никогда не знала, что еще есть в этом мире. Но точно знала, что это мой мир. Мой синеглазый мир.

Новый год мы встречали по-семейному. Прилетел Андрей, и мы собрались узким кругом. Сережу тоже звали, но он не хотел в этом участвовать. С тех пор, как мы с Сережей тогда на берегу не сдержались, я с Андреем не встречалась и все было просто. А сейчас возникла какая-то дурацкая ситуация. Видеть меня с другим мужчиной, знать, что я с ним сплю, ему было

невыносимо. Вмешаться в это я ему не позволяла. Я должна была это сделать сама. Сказать Андрею, только что прилетевшему на Новый год, извини, дорогой, я тебя не люблю, я не могла. Я слишком хорошо помнила, как это было со мной два года назад. Сережу рвало на части, и лучшее, что он придумал, это уехать. Он улетел домой на два дня под предлогом встречи с родными. Я отвезла его в аэропорт. Мы долго смотрели друг на друга, ничего не говоря, как-то все понятно было. Потом он все-таки сказал:

– Пообещай, что ты не согласишься сейчас. Я все решу.

Я даже не сразу поняла, про что он. Потом цепочка сложилась. Новый год, семейный праздник, Андрей с предложением.

– Я не собиралась. Ты возвращайся скорее. Я тебя очень жду.

– Это хорошо, что ты меня ждешь.

Он сел в самолет. Я вернулась в нашу дельфисемью.

Снега у нас практически не бывает. И в этот новый год не было. Весь день мы наряжали кипарисы, завешивали их гирляндами, создавали настроение. Белый с Черновым добыли себе девушек, чтобы компания получилась полноценная. Это было несложно – слава и внешность помогали. Так в восьмером мы и отмечали. Парни жарили мясо и рыбу на углях, девочки вертелись вокруг них, а мы с Моникой королевили. Валялись на ковре с аперитивами, слушали музыку. Ждали, когда позовут праздновать.

– Настя, как настроение? – вдруг спросила Моника.

– Нормально, почему ты спрашиваешь?

– Ты задумчивая какая-то. Лирическая даже.

– Я ж невеста. Сам Бог велел.

– И ты выйдешь за него?

– Не решила пока. Не хочу с тобой расставаться.

– Со мной? – Моника хитро прищурилась. – А если он сделает так, что тебе не нужно будет уезжать, согласишься? Видишь, как они с моим активизировались. Бизнес совместный, планы. Новый год вместе.

– Моника, я не хочу замуж.

– Не любишь?

– Не люблю. Знаешь, первый раз вот так признаюсь тебе, себе. Не люблю. Уютно, да. Спокойно. Да. Но вот он уезжает, а я даже не скучаю.

– Вляпалась ты, подруга. Мой уже вписал тебя в свое бизнес-партнерство. Ты хорошо туда вошла как бизнес-идея.

– Расту. На мне уже бизнес-идеи строят.

– Это не очень весело. Ладно, светлый праздник, давай о веселом. Пошли им всем покажем, кто здесь настоящие королевы.

– А надо, Моника? Итак, понятно, кто.

– Хорошо. Пойдем просто потанцуем.

Мы пошли к ребятам на улицу. Все уже было готово, мясо разложено, салаты по вазам, фрукты порезаны, гирлянды включены. Девочки щебетали с Питами, Валера с Андреем обсуждали очередную идею. И тут глаза у Моника загорелись – она услышала танго. Немного бочком танцевальным шагом она подошла к Чернову, положила руку на плечо. Она начала танец-игру. Чернов включился сразу же. Мы все понимали друг друга без слов, сейчас будет шоу. Белый тоже пошел отжигать. Мы веселились от души. Наши оторвались от своей беседы и наблюдали за тем, что вытворяла Моника. Девочки смотрели во все глаза. Поизображав из себя роковую красотку, Моника успокоилась и отпустила своих кавалеров к девочкам. До нового года оставалось пятнадцать минут. Мы захлеб начали вспоминать, чем год этот запомнился. И тут на меня нахлынуло – премьера, падение Сережи, прыжок к дельфинам, наша встреча после Китая – все пронеслось картинками перед глазами. Да, это был очень счастливый и насыщенный год.

Что-то, наверно, на лице у меня появилось, Андрей посмотрел внимательно, подошел и обнял. И тут начали бить куранты. Все бросились обниматься, целоваться и желания загадывать. Я не знала, что загадать. Как-то в моей жизни стало все сбываться, даже то, о чем раньше и мечтать было страшно. И сбываться начинало самое важное. Интересно, что мое важное сейчас делает? Белый с Черновым запустили фейерверк, и веселье покатило новой волной. Мы ушли гулять по нашему городку. Всю ночь болтались по улицам, заходили в кафешки, Моника везде показывала свою королевскую суть, Белый с Черновым изображали пажей, народ веселился от увиденного бесплатного шоу, им аплодировали. Я особо не танцевала, держалась рядом с Андреем. Было уютно и весело, ощущение ожидания чуда. Ожидание чуда висело в воздухе, читалось в лицах. Новогодний городок был очень похож на сказочный. Ближе к утру Моника утомилась, Чернов с девочкой исчез, Белый проводил другую девочку и присоединился к нам. И мы вернулись в Дельфихолл. Сели пить чай, я достала свой телефон и увидела несколько сообщений. С новым годом, скучаю, будь счастлива – приблизительно об этом. Я не слышала, как они приходили и поэтому не отвечала на них. И Андрей все время был рядом. Я держала в руках огромную чашку с горячим чаем и думала. Праздник заканчивался, с завтрашнего дня начинались новогодние шоу. Андрей уезжал вечером, для него это тоже было горячее время. И я радовалась, что он уезжает. Может прямо сейчас поговорить? Новый год, новая жизнь. Мои метания между спокойной уверенной предсказуемой жизнью и падением в омут неизвестности обострились в последний день того года в аэропорту, когда Сережа сказал: «Я все решу». С этого момента я уже не плыла по течению в ожидании, что как-то все устроится. Я понимала, что нужно сделать выбор. Конечно, надо заканчивать эту игру. Но я не решалась. Все-таки праздник. Я представляла, как человек летит один в первый день нового года с чувством потери, мне было жаль. И мне было страшно. С Андреем не было никаких потрясений, жизнь просматривалась, как на ладошке. Но меня тянуло в другую жизнь. Я проводила Андрея в аэропорт. За пару дней, пока он был здесь, вопрос замужества мы не обсуждали. Я боялась, что сейчас он начнет этот разговор, и я уже не смогу врать. Расскажу все, и эта двойная жизнь, наконец, закончится. С одной стороны, я этого очень хотела, с другой пугало само объяснение. Пришла мысль, что если остаться здесь на несколько часов, то можно и Сережу встретить. Я не знала, когда он прилетает.

Он прилетел за несколько часов до шоу, как ни в чем не бывало. Как будто и не было того короткого «Все решу». Жизнь вошла в свою колею, недоговоренность опять повисла, но ненадолго.

Все решилось само собой. И как часто бывает, чтобы на что-то решиться, должно произойти что-то страшное. Заболел Ванька. Сначала он просто стал плохо кушать. Потом он стал надолго зависать в воде. У зверюх начался переполох, они постоянно кричали. Сережа уже жил в бассейне, Ирина Ивановна тоже почти не выходила. Лечили антибиотиками, но ничего не помогало. По лицу Ирины Ивановны я понимала, что шансов практически нет. Это был первый случай за всю историю Дельфихолла, наши зверюхи особо не болели. Ванька был самый младший и очень талантливый. А днем в этом бассейне шли шоу. Были каникулы. Думали перевести Ваньку в карантин, но потом поняли, что перетаскиванием можем его добить.

Шло вечернее шоу. Сережа играл нашу сцену и не сводил глаз с загона. Нам оставалось совсем чуть-чуть, и тут он шепнул – доигрывай и метнулся к загону. Я увидела, что Ванька не справляется, опускается на дно. Сережа влетел в его загон, взял на руки, поднял на поверхность и держал на руках. Дельфины могут дышать только на поверхности, жабр у них нет. У Ваньки уже не было сил держаться. Сережа держал его, гладил.

Мы с Моникой переглянулись. Как всегда, поняли друг друга без слов. Уже все всё поняли. Ванька уходил. Полный зал народа, шоу в разгаре. Сделать мы уже ничего не можем. Единственное, что можем сделать – не дать людям увидеть, что происходит. Мы играли как никогда. Ирина Ивановна тоже была рядом с загонем. Сережа держал Ваньку на руках. Он опу-

стил голову низко, как будто разговаривал с Ванькой, но на самом деле слезы прятал. Ванька умирал прямо у него на руках. Сережа продолжал гладить уже мертвого Ваньку, чтобы зрители ничего не поняли. Данила быстро подозвал демонстраторов, они сменили Сережу. Он исчез на десять минут, вернулся доигрывать свою роль. Зверики, поняв важность момента, тоже не дурили, доигрывали изо всех сил. После шоу зрителей быстро вывели из зала и перевели в другие бассейны. Сережа опять влез в загон и пытался поднять Ваньку. Витька хотел Серегу вывести из загона и огреб по-мужски. Сережа просто свихнулся. Данила подошел помогать Витьке, они пытались вывести его вдвоем, но Сережа расшвыривал их и не уходил. Парни были крупнее его, но сделать ничего не могли. Дельфины уже кричали в бассейне, метались из стороны в сторону, тоже рвались к Ваньке. Все рыдали. Я больше не могла на это смотреть и шагнула в загон.

– Парни, уйдите.

Я встала напротив Сережи и просто смотрела ему в глаза. Я даже не пыталась подойти близко, это было просто невозможно. Просто стояла и смотрела на него, не отводя глаз. Мы так минут пять стояли, Сережа резал меня сталью своих глаз, но я не сдавалась и не отворачивалась. Потом он как-то обмяк. Вот тогда я подошла к нему, взяла за руку и повела. Он не сопротивлялся. Похоже, он вообще не соображал. Мы ушли в раздевалку, я пыталась заставить Сережу снять мокрый гидрокостюм, у него уже зуб на зуб не попадал, но он не переодевался. Глаза из стальных превратились в стеклянные. Тогда я втолкнула его в душ, включила горячую воду и стояла там с ним, пока он не очнулся. Потом вышла, дала переодеться, а сама побежал в свою раздевалку. Переоделась, вернулась за Сережей. Он сидел и смотрел на дверь пустыми глазами. Глазами человека, которому уже все-равно. Я была как собака поводырь. Взяла его за руку и повела к нему домой. Дома он намахнул стакан водки, потом еще, осталась после нового года, и завыл. Мы так и сидели до ночи – он выл, а я обняла его и укачивала. Так он и уснул у меня на руках. Если честно, то я испугалась. Очень. Испугалась сначала этих пустых глаз, потом этого воя, сейчас я боялась завтрашнего дня. Я устроилась с ним поудобнее, гладила по волосам. Он был сейчас совсем как маленький заплаканный ребенок, уставший от своих слез и уснувший. Меня просто выворачивало от нежности и страха за него.

Позвонила Моника, спросила, где я. Я рассказала.

– Это хорошо, – ответила мне Моника. – Не оставляй его сейчас. Он может сломаться.

Я сидела рядом с Сережей. Хотела пойти попить чая, попыталась встать, но Сережа при-
тянул меня к себе, положил голову на колени и спал дальше. Так мы утром и проснулись.

Нет, мы не разговаривали. Мы опять смотрели друг другу в глаза.

– Я не хочу туда идти, – наконец сказал Сережа.

Шоу уже закончились, в принципе необходимости не было. Но я понимала, что если он не перешагнет свою боль сегодня, завтра будет еще труднее.

– У тебя кофе есть? Давай я сварю.

– Посмотри на кухне. Не знаю.

– Хорошо. Я сделаю. Но потом пойдем куда-нибудь позавтракаем.

– Я не хочу.

– Я хочу.

Я пошла на кухню и вдруг увидела свою фотографию. С первого шоу. Распечатанную. Я не знаю, почему меня так потрясла эта фотография, но я застыла напротив нее. Сережа подошел ко мне и обнял меня сзади.

– Ну да, – сказал он, – чему ты удивляешься?

Кажется, жизнь стала возвращаться к нему. Я не шевелилась, мне не хотелось, чтобы он отпускал меня. Сейчас мне кажется, что я тогда все решила. Просто переживая горе, ты начинаешь понимать, что и кто тебе действительно дорог. Я так испугалась за Сережу, что уже не готова была отходить от него. Я подумала, ну мало ли что, ну вдруг его завтра не будет.

Неважно, совсем или рядом со мной. А я до конца жизни буду вспоминать, что я боялась какой-то фигни. Наверно, он это почувствовал. Зарылся мне в волосы, дыхание обжигало. Я повернулась к нему. Губы были жаркие, руки сильные, но нежные. Держал так, чтобы не выбраться, чтобы не как в прошлый раз. Да я и не пыталась. Меня ноги держать перестали, я поплыла.

Он взял меня на руки и перенес на диван. Так все и случилось. Мы как с ума сошли. Год вот этой подавленной страсти, недопонимания, недомолвок, вся эта наша незавершенность вылились в то, что мы не могли друг другом насытиться. Я плавилась, голова отключилась, меня не было. Он был такой нежный, такой заботливый. У нас все совпадало. Мне даже сложно было поверить, что эти пару месяцев, с нашей встречи после Китая, у него не было женщины – он никуда не торопился. Он долго смотрел на мое обнаженное тело, немного отстранившись. Наверно, пытался сопоставить, каким он его представлял и что оказалось в реальности. Потом начал медленно водить ладонью по всем выпуклостям и изгибам. Изучал меня телесно. Я смотрела на него не отрываясь. Он чувствовал все. Впрочем, как всегда. Медленно вошел в меня, не переставая целовать, и понеслось. Я была счастлива. Не думалось, что за дверями этой квартиры горе, и что нам в него скоро придется окунуться. Вставать не хотелось. Я трепала его волосы. Я получила, наконец, возможность делать с ним все, что я хочу. Он не отпускал меня.

– Пойдем, – сказала я.

Куда уж оттягивать. Сережа посмотрел на меня очень внимательно и кивнул. Мы стали собираться. В тот же день я позвонила Андрею. Я хотела позвонить сразу, но Сережа не отпускал меня ни на шаг. Когда мы пришли в Дельфхолл, на Сережу все боялись поднимать глаза. Если я отходила от него, все пытались узнать, как он, но он тут же подскакивал ко мне. Он был напряженный как струна, а если я отходила, сразу начинал сутулиться. В сторону бассейна смотрел затравленно. Но надо было туда пойти. И мы пошли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.